

РАЗМЫШЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРА

МАРКА АВРЕЛІА АНТОНИНА

О ТОМЪ,

ЧТО ВАЖНО ДЛЯ САМОГО СЕБЯ.

(Τῶν εἰς ἑ αὐτὸν).

Переводъ Князя Л. Урусова.

Теперь уже не время определять нравственный образъ чловѣка крѣпкаго духомъ, — пора быть таковымъ на самомъ дѣлѣ. (Гл. X 11.)

ТУЛА.

Типографія Губернскаго Правленія.

1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Февраля 1882 года

В С Т У П Л Е Н І Е.

Передъ нами дневникъ Императора Марка Аврелія,¹ который никогда не предназначался авторомъ для публики, о чемъ свидѣтельствуется самое заглавіе записокъ: „Маркъ Аврелій-о томъ, что важно для самого себя“ (Τὸν εἰς ἑ αὐτὸν).

Въ этой книгѣ Императоръ отдаетъ себѣ самому отчетъ о всемъ теченіи своей внутренней жизни и отмѣчаетъ въ ней, для болѣе яснаго пониманія самого себя, несомнѣнныя, по его мнѣнію, основныя истины, которыя бы руководили имъ и все строже и тѣснѣе обязывали его не выходить изъ предѣловъ разъ установленной нормы жизни. Если представляется интереснымъ и поучительнымъ ознакомленіе съ воззрѣніями каждаго выдающагося человѣка на важные вопросы, каковы: отношенія человѣка къ Богу, къ ближнему, къ самому себѣ и къ жизни, то

¹ Римскій Императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ родился въ домѣ дѣда своего Анпія Веруса въ 121 году отъ Р. Х. въ Латрапскомъ дворцѣ, умеръ въ 180 году. Предки его вели свой родъ отъ Нумы.

интересъ этотъ и поученіе еще возрастаютъ, когда передъ нами такое лицо, коего міросозерцаніе и убѣжденія рѣшали судьбу міровой Имперіи, — такой всемогущій Императоръ и властитель, отъ личности котораго зависѣло внести въ общественный организмъ тревогу, ненависть, злобу и лицемѣріе, или струю любви, стойкости и довѣрія; ибо въ тогдашнемъ общественномъ строѣ не было и слѣда такихъ учрежденій, которыя бы могли ограничить или умѣрить Верховную власть.

Если бы о царствованіи Марка Аврелія не осталось даже никакихъ другихъ слѣдовъ, то одной записной книжки его было бы достаточно, чтобы пробудить живѣйшій интересъ къ нравственному образу этого человѣка; но избытокъ свѣдѣній о немъ, записанныя въ исторіи, усугубляютъ желаніе ознакомиться съ внутреннею жизнью его.

Императоромъ Маркомъ Авреліемъ заканчивается самый блестящій періодъ Римской Исторіи, періодъ Антониновъ, и уже давно историки усвоили себѣ пріемъ излагать эту эпоху, отъ Траяна до Марка Аврелія включительно, въ особомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ: „лучшія времена.“ Гиббонъ говоритъ: „Еслибы кому нибудь „изъ историковъ поручено было указать на тотъ

„періодъ всемірной исторіи, въ продолженіи ко-
 „торого человѣчество наслаждалось наибольшимъ
 „благоденствіемъ и спокойствіемъ, то онъ
 „безъ малѣйшаго колебанія могъ бы указать
 „на промежутокъ времени между смертью До-
 „миціана и возвышеніемъ Коммода.

„Безпредѣльная Римская Имперія процвѣта-
 „ла въ эту эпоху подъ самодержавіемъ Монар-
 „ховъ, руководимыхъ мудростью, добромъ и
 „справедливостью. Законы гражданскаго управ-
 „ленія свято соблюдались четырьмя, слѣдовав-
 „шими одинъ за другимъ, Императорами: Нер-
 „вой, Траяномъ, Адріаномъ и Антониномъ
 „Кроткимъ. Имѣя врожденную любовь къ сво-
 „бодѣ, въ истинномъ смыслѣ ея, они первые
 „добровольно признали свою отвѣтственность
 „передъ закономъ.“

Другой историкъ (Іоганъ Мюллеръ) говоритъ:
 „Всѣ эти Императоры, казалось, вступили на
 „престолъ въ качествѣ лучшихъ и мудрѣй-
 „шихъ гражданъ. Неутомимая заботливость,
 „благодѣтельная предусмотрительность, — вотъ
 „единственно то, что отличало ихъ отъ прочихъ
 „гражданъ и исключительное преимущество,
 „ими лично присвоенное, состояло только въ
 „томъ, что кругъ ихъ благотворной дѣятельнос-
 „ти былъ обширнѣе. Доступъ къ нимъ былъ

„свободнѣе, чѣмъ въ республикахъ къ патриціямъ. Законъ объ оскорбленіи Величества впалъ въ забвеніе.“

„Одному изъ нихъ, кроткому Антонину, случилось въ бѣдственную годовщину голода прохаживать посреди народа, наполнявшаго форумъ. Изъ толпы въ него стали кидать камнями. Тогда онъ остановился; спокойно объяснилъ причины бѣдствія и разсказалъ, какія имъ приняты мѣры. Никогда большинство человечества не наслаждалось болѣе продолжительнымъ благоденствіемъ. Эта эпоха заставила забыть объ утратѣ республики“.

Вотъ этотъ то добрый Антонинъ усыновилъ Марка Аврелія и воспиталъ его, какъ своего наследника. Сынъ послѣдовалъ высокому примѣру отца, его великодушію, добротѣ и кротости. Таковымъ является передъ нами Маркъ Аврелій въ возмущеніи Правителя Сиріи Авидія Кассія, который поднялъ знамя бунта во время похода Императора на Сарматовъ, но былъ убитъ своими солдатами. Маркъ Аврелій сожалѣлъ о томъ, что смерть Авидія лишила его „радости обратить врага въ друга“ и на дѣлѣ доказалъ всю искренность своего великодушія, умѣривъ рвеніе Сената въ преслѣдованіи сообщниковъ Авидія. Вотъ извлеченіе изъ указа, посланнаго

Сенату изъ Императорскаго лагеря на Дунаѣ, еще до получения извѣстія о смерти Кассія:

„Нынѣ я прошу и заклинаю васъ сенаторовъ, чтобы вы по дѣлу Кассія, умѣрили свою обыкновененную строгость и исполнили за себя и за меня долгъ милосердія, не присуждая Кассія къ смерти. Напротивъ, если хотите почтить меня за побѣду надъ Сарматами, даруйте амнистію и другимъ преступникамъ, обрадуйте печальныхъ, возвратите изгнанныхъ изъ заточенія, призовите въ Римъ сосланныхъ, отдайте имъ всѣ богатства и имѣніе ихъ.

„Я ничего на свѣтѣ такъ не желалъ бы, какъ оживленія многихъ мертвыхъ, а не присужденія къ смерти живыхъ.

„Я ни въ одномъ изъ моихъ предшественниковъ не хвалю жестокости и мщенія. Прошу помиловать жену Кассія, дѣтей и зятя его. Да что я говорю помиловать, они бѣдные ничего не сдѣлали. Оставьте ихъ въ покоѣ. Пусть всѣ знаютъ какъ живется подъ державою Марка Аврелія. Отдайте имъ взятыя у нихъ помѣстья и богатства. Пускай они будутъ богаты; дайте имъ прожить остальную жизнь свою такъ, чтобы они могли быть живыми доказательствами нашего челоуѣколюбія. Сдѣлайте остальное время моего царствованія благоденствен-

VIII.

„нымъ. Пусть они и всѣ тѣ, которыхъ ожидаетъ
„наказаніе за оскорбленіе Величества противъ
„моей особы, будутъ помилованы и прощены.“

Когда въ Сенатѣ читался этотъ Цезарскій указъ, все собраніе съ изумленіемъ и радостью слушало его. По окончаніи чтенія раздался еди-
нодушный возгласъ: „да здравствуетъ кроткій
Маркъ Аврелій!“

Многіе порицатели Марка Аврелія обвиняють его въ скупости; но щедрость его къ народу, огромныя суммы истраченныя имъ для вспомо-
ществованія населенію, раззоренному въ разное время пожарами, землетрясеніями и голодомъ, наконецъ значительное пониженіе казенныхъ по-
датей и сложеніе недоимокъ, все это вполнѣ опровергаетъ ложное обвиненіе. Маркъ Аврелій былъ дѣйствительно бережливъ, но лишь для того, чтобы разсыпать деньги безъ счету, ког-
да дѣло шло о помощи и благоденствіи под-
данныхъ. Этотъ великій Цезарь говаривалъ:
„подданные платятъ весьма охотно обыкновен-
„ные налоги, когда видятъ, что Монархъ тра-
„титъ ихъ не на роскошь, а на всенародную
„пользу, они благословляютъ бережливость, ког-
„да цѣль ея—щедрая помощь во время бѣдствій.“

Войну онъ ненавидѣлъ, какъ позоръ и бичъ
человѣческаго рода.

Возвращаясь изъ побѣдоносныхъ походовъ своихъ, онъ скорбѣлъ душою и слѣды этой скорби остались въ записной книжкѣ его.

Чтоже это за философское ученіе, пробудившее столько величія души? Откуда взялись не только всѣ основы истинной человѣчности, но и нравственная сила для приложенія этихъ основъ къ ежедневной жизни? Записная книжка Марка Аврелія отчасти даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Поэтому мы думаемъ, что переводъ этой поучительной книги будетъ встрѣченъ сочувственно.

Маркъ Аврелій записывалъ для себя одного. Мысли набросаны такъ, какъ онѣ толпятся въ головѣ человѣка обремененнаго дѣлами, который вспоминаетъ, вечеромъ, прожитый день. Въ нихъ много повтореній, нѣкоторыя мысли выражены такъ сжато, что лаконизмъ ихъ доходитъ до предѣловъ неясности. Поэтому, при выборѣ размышленій, мы избѣгали повтореній и опускали мѣста неясныя. Особенное вниманіе обращено на тѣ размышленія, въ коихъ Императоръ, силою своего духа, поднимается выше стоическаго ученія, на которомъ былъ воспитанъ, и, врываясь въ область чистой этики, зрѣлостью сознанія своего приближается къ ученію Евангелія.

Г Л А В А I.

1.

Отъ дѣда моего Веруса¹ узналъ я, что значить быть благонравнымъ и свободнымъ отъ гнѣва. Слава и память, которую оставилъ по себѣ родной отецъ² мой, побуждаютъ меня къ добросовѣстности и мужеству. Матери³ я обязанъ тѣмъ, что сдѣлался богобоязненнымъ и щедрымъ,—избѣгаю не только дурныхъ дѣлъ, но и злыхъ помышлений, люблю воздержаніе и не склоненъ къ образу жизни богачей. Прадѣдъ мой по матери⁴ внушалъ мнѣ, что въ общественныхъ школахъ не научишься добру, а совѣтовалъ выбирать себѣ наставниковъ изъ самыхъ лучшихъ людей, не жалься на это средствъ.

¹ Анній Верусъ (правдивый) былъ Римскимъ Консуломъ въ 121 году.

² Тоже Анній Верусъ, былъ преторомъ, сестра его Валерія Фаустина была въ супружествѣ съ Императоромъ Антонинномъ Пиемъ, усыновившемъ Марка Аврелія.

³ Домиція Люциялла.

⁴ Катилій Северъ былъ Префектомъ Рима и Консуломъ въ 120 году.

2.

Воспитатель¹ мой убѣждалъ меня не увлекаться чрезмѣрно зрѣлищами скачекъ или бойцевъ, онъ научилъ меня закаливать себя въ трудѣ, довольствоваться малымъ, не обременять другихъ тѣмъ, что я могъ бы сдѣлать самъ, не предпринимать нѣсколько дѣлъ за разъ, необходимыхъ—не откладывать и не вѣрить безъ разбору всякому злословію.

3.

Диогнетъ² отвращалъ меня отъ пустяковъ, удалялъ отъ гаданій, маговъ, кудесниковъ; не давалъ мнѣ увлекаться страстью къ птицамъ и птичьимъ боямъ; онъ научилъ меня переносить смѣлое слово и развилъ во мнѣ склонность къ философіи. Онъ пріучилъ меня спать на полу,

¹ Маркъ Аврелій не называетъ своего воспитателя; но, вѣроятно, онъ-то и былъ стоикъ Аполлоній Халкидонскій, заставившій Марка Аврелія полюбить ученіе стоиковъ и охладѣть къ риторикѣ, къ которой онъ пристрастился было подъ вліяніемъ Фронтона.

² Диогнетъ, сколько извѣстно, былъ учитель живописи Марка Аврелія, его не надо смѣшивать съ другимъ Диогнетомъ, къ которому, около того времени, Св. Іустинъ писалъ извѣстное письмо объ «истинѣ Христіанскаго ученія». Это различіе между двумя Диогнетами весьма важно потому, что нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобы Маркъ Аврелій зналъ объ ученіи Христа.

накрываться шкурою звѣрей и вообще—къ простотѣ греческой дисциплины.

4.

Благодаря Рустикусу¹, я получилъ охоту къ исправленію и улучшенію самого себя. Благодаря ему, я не соблазнился тщеславіемъ софистовъ, не писалъ отвлеченныхъ трактатовъ и не держалъ поучительныхъ рѣчей, не щеголялъ своимъ образованіемъ; бросилъ риторику, стихотворство и напыщенность, разстался съ халатомъ и оставилъ привычки людей изнѣженныхъ. Онъ же пріучилъ меня писать просто, такъ, какъ написано письмо его къ моей матери изъ Симуэссы. Онъ же внушилъ мнѣ смирять свой гнѣвъ и охотно мириться съ тѣмъ, кто, признавъ свою ошибку, ищетъ примиренія. Онъ пріучилъ меня читать толково и внимательно, не довольствуясь поверхностнымъ знаніемъ, а также не довѣряться краснобаямъ, ничего не знающимъ основательно. Онъ же ознакомилъ меня съ твореніями Эпиктета и подарилъ мнѣ его сочиненія изъ книгъ своей бібліотеки.

¹ Стоякъ Ювій Рустикусъ пользовался особенною любовью Марка Аврелія.

5.

Аполлоній¹ научилъ меня, какъ пользоваться свободой и сохранять спокойствіе, независимо отъ случайности; онъ научилъ меня ни на что въ мірѣ не полагаться, какъ на рѣшеніе разума; пріучилъ меня переносить стойко жестокія страданія,—потерю ребенка, или продолжительный недугъ; онъ показалъ мнѣ на примѣрѣ ясно и наглядно, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ есть необузданность и кротость. Онъ не былъ жесткимъ философомъ, преподавалъ философію не вдаваясь въ мелочи и публично высказывалъ, что искусство излагать ее на теоріи — цѣнить весьма низко. По его обращенію съ друзьями я понималъ, какъ слѣдуетъ принимать ихъ услуги, не попадая къ нимъ въ зависимость и не заслуживая упрека въ неблагодарности.

6.

Отъ Секста² я перенялъ сдержанность въ разговорахъ. Его домъ былъ образцомъ патріархальнаго строя жизни, основаннаго на любви и сообразнаго съ законами природы. Онъ съ виду

¹ Аполлоній, вѣроятно, тотъ самый о которомъ говорится въ № 2.

² Секстъ внукъ Плутарха, тоже стоикъ.

былъ важенъ и глубокомысленъ; но эта наружность была не притворная; къ друзьямъ онъ былъ внимателенъ и старался оказывать имъ услуги, съ простяками былъ снисходителенъ и мудрости своей не металъ передъ людьми погрязшими въ предразсудкахъ.—Однимъ словомъ, онъ умѣлъ расположить къ себѣ всякаго; отъ того его всѣ уважали и предпочитали его трезвую бесѣду всякой лести или похвалямъ. Онъ умѣлъ просто и ясно изложить всякому правила, которыми бы онъ могъ руководствоваться въ жизни. Въ немъ никогда не замѣчалось проявленія гнѣва или волненія; чуждый увлеченію страстей, онъ однако умѣлъ горячо любить друзей своихъ. Онъ составилъ себѣ честное имя и не возгордился, обладалъ многими познаніями и не выставлялъ ихъ на показъ.

7.

Грамматикъ Александръ¹ поучалъ меня примѣромъ своимъ; онъ никогда не дѣлалъ выговоровъ, или рѣзкихъ замѣчаній, не насмѣхался надъ грубыми ошибками другихъ и не стыдилъ собесѣдника, а, напротивъ, мягко и неза-

¹ Александръ Фригійскій выучилъ Марка Аврелія греческому языку, на которомъ и написаны размысленія Императора.

мѣтно исправлялъ ошибку, щадя самолюбіе его; н. п: онъ повторялъ немедленно грубо выраженную мысль, въ безукоризненной формѣ, какъ будто желая подтвердить сказанное своимъ авторитетомъ, или придумывалъ другой ловкій и безобидный пріемъ.

8.

Фронтонъ¹ убѣдилъ меня, что произволь порождаетъ ненависть, безсовѣстность и лицемеріе и что въ, такъ называемыхъ, патриціяхъ менѣе человѣческихъ свойствъ чѣмъ въ другихъ людяхъ.

9.

Александръ Платоникъ² внушалъ мнѣ никогда безъ крайней надобности не отвѣчать на просьбы словесно или письменно— „мнѣ нѣкогда“ и не отказываться услужить другу подъ предлогомъ множества занятій.

¹ Корнелій Фронтонъ родомъ Африканецъ изъ Цирты (Константины) ораторъ, извѣстѣйшій и ученѣйшій изъ учителей Марка Аврелія, преподавалъ латинскую литературу и риторику.

² Александръ Платоникъ, вѣроятно селевкийскій, извѣстный ораторъ, жившій въ Аѳинахъ. Филостратъ, описавшій его жизнь, говоритъ, что его называли, Пелоплатонъ, т- е. подонки Платона.

10.

Катулл¹ внушилъ мнѣ внимательно и терпѣливо относиться къ жалобамъ даже перазумнымъ и стараться удовлетворить всякаго, или смягчить своимъ участіемъ. Онъ же наставлялъ меня разумно любить дѣтей моихъ.

11.

Северъ² воодушевилъ меня любовью къ семьѣ, къ друзьямъ и домашнимъ, любовью къ правдѣ и справедливости. Онъ раскрылъ мнѣ образецъ такого общественнаго порядка, въ которомъ законъ совпадалъ бы съ справедливостью и всѣ граждане были бы равны передъ закономъ, и идеалъ такой монархической власти, которая была-бы охраной гражданской свободы. Онъ совѣтовалъ мнѣ постоянно прибѣгать къ философскимъ занятіямъ, быть благотворительнымъ и щедрымъ, вѣрить въ добро и дружбу. Я замѣтилъ его искренность въ обращеніи съ друзьями. Если онъ имѣлъ противъ кого неудовольствіе, онъ высказывался ему открыто, такъ что

¹ Цивна Катуллъ также стойкъ.

² Вѣроятно, Клавдій Северъ школы перепатетиковъ.

друзья его всегда знали вѣрно въ какихъ они отношеніяхъ съ нимъ.

12.

Максимъ¹ руководствовался правиломъ, что каждый долженъ твердо дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ и отнюдь не склонятся къ образу мыслей другихъ наперекоръ своему разуму: онъ не падалъ духомъ въ болѣзняхъ, или другихъ случайностяхъ, нравомъ былъ умѣренъ, кротокъ и спокоенъ; когда требовалось дѣйствовать, онъ приступалъ къ дѣлу бодро и рѣшительно. Всѣ вѣрили, что онъ говорилъ всегда то, что думалъ. Никогда онъ не дѣлалъ ничего сердясь, или противъ воли, рѣдко восторгался или удивлялся, не спѣшилъ и не опаздывалъ, не былъ робокъ и нерѣшителенъ, не поддавался ни крайней радости, ни огорченію, ни гнѣву, ни подозрительности. Онъ былъ всегда кротокъ, правдивъ и готовъ оказать помощь, и всѣ эти свойства не были плодомъ воспитанія, или науки, а какъ бы принадлежали ему отъ природы. Наконецъ, никто въ его присутствіи не чувствовалъ себя приниженнымъ, но и не могъ

¹ Клавдій Максимъ—стоикъ.

стать выше его. Онъ умѣлъ шутить остро и пріятно.

13.

Въ отцѣ моемъ была какая-то кротость и вмѣстѣ съ тѣмъ несокрушимая твердость въ томъ, что онъ окончательно и зрѣло обдумалъ. Онъ былъ чуждъ честолюбія и тщеславія, внѣшность и почести не привлекали его; онъ работалъ охотно и неутомимо, выслушивалъ всякаго кто приходилъ къ нему съ общепольнымъ предложеніемъ и безошибочно зналъ гдѣ затормозить и гдѣ дать ходу. Онъ не дружился съ праздною молодежью и сосредоточивалъ свои мысли на заботахъ объ общественномъ благѣ; приближенныхъ своихъ не удерживалъ къ столу и не требовалъ, чтобы они всегда были при немъ когда онъ выходилъ. Если кто изъ нихъ не оказывался въ свитѣ его, онъ не ставилъ этого въ вину и не мѣнялся въ обращеніи своемъ. Въ совѣтѣ онъ, подолгу, зрѣло обсуждалъ дѣла, изыскивая цѣлесообразныя мѣры, не торопясь и не хватаясь за первое поданное мнѣніе, чтобы скорѣе покончить совѣщаніе. Въ дружбѣ онъ отличался постоянствомъ, не тяго-

¹ Императоръ Антонинъ Пій, усыновившій Марка Аврелія.

тился друзьями, но и не баловалъ ихъ излишней лаской и милостью. Черты его лица выражали спокойствіе ясной души. Онъ былъ дальновидѣнъ и предусмотрителенъ, распоряженія его касались мельчайшихъ подробностей, приказанія отдавались не торопливо. Онъ не терпѣлъ шумныхъ привѣтствій и лести подъ какой бы то ни было личиной, — одну магистратуру обставлялъ, подобающими ей достоинству, почестями. Онъ тратилъ бережливо и соблюдалъ государственные доходы, не обращая вниманія на неодобреніе, но и не сердясь на порицателей. Онъ почиталъ боговъ, но безъ суевѣрія и никогда не заискивалъ расположенія толпы. Образъ мыслей его отличался трезвостью и постоянствомъ, все дѣлалось у него во время, нововведенія избѣгались. Всѣмъ тѣмъ, что, для удобства жизни, доставлялось для него въ изобиліи, онъ пользовался умѣренно, не придавая тому особой важности. Когда этого излишка не было онъ и не думалъ о немъ. Никто не могъ сказать про него, что онъ былъ софистъ, ораторъ, писатель или ученый, но всѣ знали, что онъ человекъ зрѣлый, просвѣщенный, недоступный лести, имѣющій власть надъ собою, а потому и надъ другими. Хотя онъ высоко цѣнилъ лишь истинныхъ философовъ, однако остальныхъ не

бранилъ. Въ домашнемъ кругу разговоръ его былъ свободенъ и пріятенъ. Относительно ухода за своимъ тѣломъ, онъ соблюдалъ благоразумную середину,—не посвящалъ всю жизнь свою одной плоти, но и не пренебрегалъ ею, имѣя въ виду, что разумная забота о ней избавляетъ отъ докторовъ и лѣкарствъ. Въ немъ была особая высокая черта: онъ слушалъ безъ зависти всякаго человѣка, выдающагося спеціальнымъ знаніемъ; н. п. по части исторіи, законовъ или обычаевъ, помогалъ ему и давалъ ходъ по его отрасли. Хотя онъ во всемъ держался обычая предковъ, однако не любилъ, чтобъ это замѣчали и чтобъ объ этомъ говорили. Во вкусахъ своихъ онъ былъ постояненъ, любилъ тѣже мѣста и тѣже занятія. Послѣ жестокихъ головныхъ болей, которымъ онъ былъ подверженъ, онъ бодро принимался за обычные занятія. У него не было тайныхъ дѣлъ, исключая немногихъ государственныхъ. Онъ относился весьма осторожно къ вопросамъ о народныхъ зрѣлищахъ, объ общественныхъ работахъ и вообще къ благодѣяніямъ и щедротамъ, расточаемымъ народу; онъ разсматривалъ ихъ съ разумной точки зрѣнія пользы народа, а не пріобрѣтенія для себя славы. Ванны готовились для него лишь въ назначенные дни, онъ не имѣлъ

страсти къ постройкамъ, никогда ни заботился о пищѣ, или о томъ, чтобы прислуга была видная и рослая, онъ не обращалъ вниманія на цвѣтъ и качество тканей своей одежды; такая изготовлялась для него въ небольшомъ помѣстьѣ Лоріумѣ изъ шерсти собственныхъ овецъ, или выписывалась изъ Ланувіума черезъ арендатора его Тускуланскаго помѣстья. Вообще главныя нравственныя черты его были: человѣчность, кротость, самообладаніе, умѣренность, равновѣсіе и стройный порядокъ во всемъ до чего онъ касался. Къ нему вполне относилось то, что сказано объ Сократѣ: „онъ имѣлъ силу „воздержаться отъ соблазна тамъ, гдѣ другіе „впадали въ него по слабости характера, и умѣлъ „пользоваться умѣренно такими наслажденіями, „которыми другіе увлекались до безчувствія.“

Имѣть надъ собою власть воздерживаться и сохранять умѣренность въ пользованіи—вотъ черты человѣка съ сильнымъ, непобѣдимымъ духомъ, каковымъ и показалъ себя на дѣлѣ отецъ мой во время болѣзни Клавдія Максима.

14.

Боги дали мнѣ почтенныхъ предковъ, добрыхъ родителей, сестеръ, наставниковъ, хорошихъ

слугъ, друзей и родныхъ. Благодарю Провидѣніе за то, что я никому изъ нихъ не нанесъ огорченій; благодаря счастливымъ, обстоятельствамъ, я не совершилъ ничего постыднаго, хотя неоднократно едва удержался отъ порока. Благодарю Провидѣніе, что воспитаніемъ моимъ не долго завѣдывала наложница моего дѣда и что я не потерялъ преждевременно чистоту отроческаго возраста. Счастливъ я, что былъ руководимъ такимъ отцомъ и повелителемъ, который рано началъ отучать меня отъ высокомерія. Онъ внушалъ мнѣ, что при дворѣ можно жить безъ свиты и тѣлохранителей, безъ шитыхъ мундировъ, факеловъ, статуй и прочей роскоши; что великодушіе монарха, величіе его особы и благотворная дѣятельность его нисколько не умаляется ношеніемъ простой одежды. Счастливъ я, что имѣлъ брата, который подавалъ мнѣ примѣръ благодѣянія и нѣжно любилъ меня, что дѣти мои родились здоровыми духомъ и тѣломъ и что я не сдѣлалъ быстрыхъ успѣховъ въ риторикѣ, поэзіи и другихъ наукахъ, потому что, отличившись въ нихъ, я, вѣроятно, предался-бы имъ исключительно. Я радъ, что могъ скоро доставить воспитателямъ моимъ почетныя должности, которыхъ они желали, и не огорчалъ ихъ пустыми обѣщаніями, ссылаясь на то, что они

еще молоды и что я займусь ими „со временем“. Благодарю Провидѣніе, что оно послало мнѣ Аполлонія, Рустикуса, Максима; что мысль о жизни, согласной съ закономъ природы, и живое стремленіе къ ней безпрестанно и ясно представлялись моему разуму, такъ что отъ боговъ я получилъ всякую помощь и благодать и не могу сказать, что по невѣдѣнію не могъ устроить своей жизни согласно съ закономъ природы; если до сихъ поръ еще я рабъ своихъ слабостей и не могу отрѣшиться отъ нихъ, то виню себя одного; ибо не слушаюсь ихъ увѣщаній, не полагаюсь на нихъ и не внимаю ихъ голосу, обращенному ко мнѣ. И какъ могла моя плоть, не смотря на мою дурную жизнь, сохраниться до сихъ поръ невредимою! Благодарю Провидѣніе за то, что мои любовныя интриги съ Бенедиктой и Теодотой ограничились словами и не доведены до дѣла и что съ тѣхъ поръ, когда страсть снова овладѣвала мною, я могъ побѣждать ее разумомъ; что когда я былъ сердитъ на Рустикуса, не сдѣлалъ противъ него ничего такого, въ чемъ бы пришлось раскаиваться; что мать моя, которая умерла молодою, послѣдніе годы своей жизни провела со мною, что, когда бы я не пожелалъ помочь нуждающемуся, ни разу не получалъ отказа въ день-

гахъ и самъ никогда не зналъ нужды; что у меня жена любящая, простая и несвоенравная; что мнѣ удалось набрать способныхъ воспитателей для моихъ дѣтей; что во снѣ мнѣ открыты были нѣкоторыя цѣлебныя средства, особливо противъ припадковъ кровохарканья и обмороковъ, которыми я страдалъ въ Гаэтѣ и Хризѣ; что когда я началъ заниматься философіей, не подпалъ подъ влияніе софистовъ и не терялъ времени за чтеніемъ пошлыхъ авторовъ, не увлекся тонкостями логики, ни любопытными изысканіями астрологіи. За все благодарю боговъ! ибо во всѣхъ дѣлахъ этихъ нужно счастье, которое посылается ими.

Писано въ лагерѣ у Квадовъ,¹ на рѣкѣ Грань.²

15.

Съ самаго утра надо слѣдить за собой и сказать себѣ: я могу сейчасъ придти въ столкновение съ человѣкомъ дерзкимъ, неблагодарнымъ, наглымъ, лицемернымъ, докучливымъ или озлобленнымъ, ибо такими пороками одержимъ всякій, незнающій, что именно хорошо и что

¹ У Квадовъ въ Венгріи, во время войны противъ Моркомановъ.

² Рѣка Грань впадаетъ въ Дунай въ 12 миляхъ отъ Пешта.

дурно. Но если я самъ твердо знаю въ чемъ добро и зло, понимаю, что зло для меня есть только то дурное дѣло, которое я самъ дѣлаю, то никакой обидчикъ не можетъ повредить мнѣ, ибо никто не можетъ заставить меня, противъ воли моей, дѣлать зло. Но если я въ добавокъ еще помню и то, какъ близокъ мнѣ всякій человѣкъ, не по плоти и крови, а по духу, который въ каждомъ изъ насъ отъ Бога и составляетъ ту сущность нашу, которая выше плоти,—то я не могу сердиться или негодовать на столь близкое мнѣ существо, ибо мы сотворены другъ для друга, призваны помогать другъ другу, какъ рука—рукѣ, нога—ногѣ, какъ глаза и зубы, которые всегда за одно помогаютъ другъ другу. Поэтому отворачиваться отъ ближняго, оскорбившаго насъ, — противно истинной природѣ нашей. Однако противъ этого грѣшитъ всякій человѣкъ, ненавидящій другаго за обиду.

16.

Плоть, душа и руководящее начало—разумѣніе—вотъ весь человѣкъ. Откинь же пустые помыслы и заботы, книги и все бесполезное, затмѣвающее разумъ; не на это дано тебѣ время.

Слушай и уразумѣвай. Мало заботься о плотскомъ, какъ будто ты умирающій; плоть состоитъ изъ крови и костей, подъ покровомъ сплетеннымъ изъ нервовъ, жилъ и клѣточекъ. Далѣе вникни: что такое душа твоя,—это паръ, ты безпрестанно выдыхаешь и вдыхаешь его. Наконецъ, сознай кому принадлежитъ господство надъ цѣлымъ. Не будь же безумцемъ, пора, ужъ ты созрѣлъ, не допускай чтобы данный тебѣ руководитель былъ рабомъ; не подчиняй его слѣпой плоти, не допускай, чтобы онъ внезапно пропалъ вмѣстѣ съ плотью. Не ронци на Провидѣніе за то, что тебѣ посылается въ настоящую минуту, не противься судьбѣ своей, ибо все сущее по волѣ Бога преисполнено разума и то, что человѣкъ, по слѣпотѣ своей, называетъ случайностью,—необходимо въ томъ стройномъ цѣломъ коего онъ часть; для каждой части этого цѣлага добро есть то, что скрѣпляетъ ее неразрывно съ цѣлымъ. Остановись на этомъ возрѣніи, пусть оно будетъ твоей основой. Что же касается до книжной учености, отвернись отъ нея, дабы ты могъ когда нибудь умереть спокойно, безъ сомнѣній, съ сознаниемъ истины и съ сердцемъ преисполненнымъ благодарности.

Г Л А В А П.

1.

Вспомни съ какихъ поръ ты все откладываешь и еще не воспользовался временемъ, дарованнымъ тебѣ Богомъ, чтобы одуматься. Пора, наконецъ, понять какова твоя сущность, что такое внѣшній міръ, кто владыка міра, коего ты мельчайшая соринка, и что тебѣ отмѣрено время, которое, если ты имъ не воспользуешься, чтобы понять смыслъ жизни, пройдетъ безслѣдно и безвозвратно вмѣстѣ съ тобою.

2.

Исполни предстоящее тебѣ дѣло, сосредоточивайся на немъ, исполни его по совѣсти, справедливости и съ любовью, не отвлекайся другимъ, старайся отбросить другія мысли, освободись отъ гнѣва и ненависти; это тебѣ удастся, если привыкнешь смотрѣть на каждое дѣло, которое ты дѣлаешь, какъ на послѣднее въ жизни. Тогда, въ исполненіи дѣла, ты будешь свободенъ отъ той суетливости и раздражительности, которыя заглушаютъ голосъ разума. Ты

видишь какъ немного надо исполнить, чтобы жить по Закону Бога и быть счастливымъ.

3.

Упрекай и презирай себя, тебѣ нѣкогда превозноситься и искать почета; вѣдь почести только на короткое время; это время уже потрачено, а ты самъ еще не можешь уважать себя, все еще думаешь, что счастье твое зависитъ отъ мнѣнія другихъ.

4.

Едва ли найдутся люди несчастные оттого, что не знаютъ, что происходитъ въ душѣ другихъ людей; но, если человѣкъ не сознаетъ ощущеній собственной души своей, онъ навѣрно будетъ несчастливъ.

5.

Вотъ о чемъ ты долженъ всегда размышлять: что такое бытіе міра и твое личное бытіе, и какое твое отношеніе къ бытію міра, какую часть цѣлаго ты составляешь и какого рода это цѣлое, въ особенности же о томъ, что ни

кто тебѣ не можетъ помѣшать, чтобы слова и дѣла твои были въ полномъ единеніи съ цѣлымъ, коего ты часть.

6.

Надо привыкать мыслить и дѣйствовать, какъ будто конецъ жизни уже наступаетъ. Впрочемъ, разлука съ жизнью не есть зло, если правда, что есть боги; ибо не вѣроятно, чтобы они желали тебѣ зла. Допустивъ же, что боговъ нѣтъ, или что они не заботятся о людяхъ,—стоитъ ли жить въ такомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни боговъ, ни Провидѣнія? Но нѣтъ сомнѣнія, боги есть и они заботятся о людяхъ, они дали власть человѣку оградить себя отъ настоящихъ, немимыхъ золъ. Отъ всякой такой вещи, въ которой есть истинное зло, человѣку дана возможность оградить себя. Какъ же смерть можетъ быть зломъ для человѣка, когда онъ отъ этого не дѣлается хуже. Нѣтъ, не разумно было-бы предполагать, что Провидѣніе безъ разбору распредѣлило добро и зло между добрыми и злыми. Ясно, что если жизнь и смерть, богатство и бѣдность, горе и радость выпадаютъ безразлично на долю добраго и злаго, то онѣ и не добро и не зло, ибо въ нихъ не участвуетъ воля человѣка,—его свободный выборъ добра и зла.

7.

Какъ быстро все исчезаетъ! въ матеріальномъ мірѣ тѣла, въ памяти человѣка—воспоминаніе о нихъ. Что такое въ сущности утѣхи, увлекающія, или страданія, пугающія меня,—все питающее гордость и самолюбіе мое? Какъ все это ничтожно, мелко, презрѣнно и мертво! Надо руководиться духомъ, надо обдумать сознательно и зрѣло, что значитъ умереть; тогда станетъ ясно, если не дозволить воображенію затемнить разумъ, что смерть есть ничто иное, какъ законъ природы. Было бы ребячествомъ бояться того, что въ природѣ вещей. Надо уяснить себѣ, какъ человѣкъ соединенъ съ Богомъ, какою частью своего существа и что дѣлается съ человѣкомъ, когда онъ сольется съ Богомъ.

8.

Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ выходить безпрестанно изъ своей сущности, кружиться во внѣшней тьмѣ и не сознавать, что жизнь должна быть посвящена служенію сущему въ насъ Богу. Служеніе Ему состоитъ въ воздержаніи отъ страстей и неразумныхъ дѣлъ,

въ покорности своей судьбѣ, въ кротости, любви и терпѣніи къ тѣмъ ближнимъ, которые, не зная, что хорошо и что дурно, подобно слѣпымъ, не могутъ отличить чернаго отъ бѣлаго.

9.

Не все-ли равно если твоя жизнь будетъ продолжаться триста или три тысячи лѣтъ; вѣдь ты живешь только въ настоящемъ мгновеніи. Это мгновеніе для всѣхъ тоже самое и всякій, умирая, утрачиваетъ только настоящее мгновеніе. Никакъ нельзя утратить прошедшаго или будущаго, ибо не можетъ быть у насъ отнято то, чего мы не имѣли. Поэтому надо привыкать имѣть въ виду: во первыхъ, что міръ сей вращается вѣчно въ одномъ и томъ же кругу и что нѣтъ никакого интереса видѣть одно и тоже въ продолженіи 200, 300 и болѣе лѣтъ; во вторыхъ, что старецъ и юноша, умирая, теряютъ одно и тоже—жизнь, которая вмѣщается только въ настоящемъ мгновеніи.

10.

Жизнь человѣка по краткости своей есть точка.

Составъ его плоти не прочень. Его душа подобна вихрю, судьбу его трудно опредѣлить и призваніе его загадочно. Во время жизни онъ странникъ, или воинъ, забвеніе—удѣлъ его. Что же можетъ поставить его выше всего этого? Только философія, которая учитъ сохранять въ цѣлости божественный духъ, сущій въ насъ, ставить его выше житейскаго, признавать его власть, ничего не дѣлать противъ воли его, не руководствоваться поступками другихъ, быть самостоятельнымъ, съ довѣріемъ встрѣчать свою судьбу, какъ исходящую изъ того же источника, какъ и жизнь наша и, наконецъ, бодро встрѣтить смерть, какъ моментъ разложенія плоти на тѣ самыя части, которыя входятъ въ составъ каждаго животнаго. Если стихіямъ, составляющимъ нашу плоть, свойственно переходить одна въ другую, то нѣтъ основанія смущаться, когда съ нами внезапно совершается это превращеніе. То, что въ природѣ вещей, не можетъ быть зломъ.

Писано въ Карпунтумѣ¹.

¹ Карпунтумъ городъ древней Панноніи на Дунаѣ, на западъ отъ Вѣны.

Г Л А В А Ш.

1.

Недостаточно помнить, что жизнь потрачивается каждый день и остатокъ ея постоянно убавляется, надо въ добавокъ безпрестанно имѣть въ виду, что если даже человѣкъ проживетъ долго, онъ не можетъ быть увѣренъ, что его мыслящая способность сохранится во всей полнотѣ своей. Какъ многіе подъ старость впадаютъ въ дѣтство,—въ такое состояніе, при которомъ дышать, питаются и продолжаютъ исполнять низшія отправленія. Между тѣмъ свѣточъ разума уже угасла, они уже утратили способность ясно сознавать высшій нравственный долгъ человѣка и свободно, произвольно обязывать себя къ исполненію этого долга. И такъ надо спѣшить вступить въ жизнь разумную, нельзя откладывать отвыкать отъ слѣпой плотской жизни, не только потому, что смерть ежечасно у порога, но и потому, что свѣтъ, освѣщающій жизнь человѣка, можетъ померкнуть.

2.

Не теряй своего времени, занимаясь дѣлами другихъ, развѣ, если можешь оказать этимъ помощь; ты навѣрно упустишь самое необходимое для улучшения себя самого, если станешь заниматься разборомъ или оцѣнкой чужихъ словъ или дѣлъ, побужденій или желаній. Все это только можетъ отвлечь духъ твой отъ познанія самого себя. Надо очищать помыслы свои отъ всего бесполезнаго и празднаго, отъ пустаго любопытства и сосредоточиваться на такихъ мысляхъ, которыя ты могъ бы сообщить каждому открыто, всегда и не задумываясь, если-бъ у тебя спросили: „о чемъ ты думаешь?“ Когда ты проживешь так. обр., исполняя постоянно, искренно и правдиво все то, что внушитъ тебѣ совѣсть твоя, ты станешь орудіемъ Божества, исполнителемъ его воли; ты войдешь въ самое тѣсное общеніе съ пребывающимъ въ тебѣ Богомъ, ибо тѣло твое есть сосудъ, освященный присутствіемъ Бога, тогда онъ освободитъ тебя отъ приступовъ чувственности, гнѣва и зависти, ты будешь чуждъ пороковъ, стерпишь всякую обиду, выйдешь побѣдителемъ изъ великой брани съ самимъ собою, станешь человѣкомъ вполнѣ справедливымъ и всѣми силами своего духа

полюбишь свою жизнь, ту самую, которая тебѣ дана въ удѣлъ, и въ ней найдешь для себя истинное благо. Тогда ты рѣдко будешь заниматься дѣянiями другихъ, житейскiя дразги перестанутъ волновать тебя, мыслящая способность твоя найдетъ пищу въ сознанiи, что всѣ люди, живущiе разумно, близки другъ другу и что истинная природа человѣка призываетъ его заботиться о помощи ближнему.

3.

Ничего не дѣлай противъ разумной воли, всегда согласной съ общимъ благомъ, ничего не дѣлай не обдумавши зрѣло, ничего такого въ чемъ бы ты сомнѣвался. Выражай свои мысли безъ прикрасъ, не болтай и не суетись. Однимъ словомъ, пусть власть твоя будетъ Богъ, который въ тебѣ. Какому бы ты не принадлежалъ роду, племени, состоянiю или возрасту, будь готовъ, когда пробьетъ часъ твой, отойти охотно и радостно. Избѣгай клятвы и свидѣтельства. Имѣй миръ внутри себя, не нуждайся въ помощи и покровительствѣ извнѣ, отъ другихъ. Я говорю: стой прямо самъ, не жди, покуда тебя выпрямятъ.

4.

Развѣ знаешь ты въ жизни, что нибудь прекраснѣе справедливости, правды, умѣренности, силы духа, однимъ словомъ, того состоянія души, въ которомъ ты находишь внутреннее удовлетвореніе, признаешь надъ собой не свою волю, а волю Провидѣнія, миришься съ обстоятельствами, которыхъ не можешь предотвратить, не стоишь въ зависимости отъ того, что называютъ роковымъ или случайнымъ. Я говорю, если ты можешь найти что нибудь прекраснѣе этого, то всѣмъ сердцемъ, радостно отдайся найденному сокровищу. Если же и вправду нѣтъ ничего выше сущаго въ тебѣ Бога, обуздывающаго твои похоти, испытывающаго твои помышленія, освобождающаго тебя отъ обмана чувствъ, (какъ говоритъ Сократъ), если ты призналъ, что все мелко и призрачно въ сравненіи съ жизнію во власти Бога и заботою о благѣ ближняго, то уже не внимай другому голосу и отврати сердце свое отъ всего того, что могло-бы лишитъ тебя сокровища, которымъ ты обладаешь. Безразсудно было-бы ставить наравнѣ съ нимъ что либо другое, въ родѣ почестей, власти, богатства и утѣхъ, такъ какъ все это, если хоть не много прельститъ, — тотчасъ неиз-

бѣжно соблазнить тебя и завладѣть тобой. Я говорю ясно: каждый выбирай, безусловно, лучшее для себя и этого держись; но, скажешь ты, лучшее, это то, что для меня полезно; да, если прибавить: „полезно—какъ существу разумному“. Если же ты понимаешь свою пользу въ смыслѣ удовлетворенія животныхъ, чувственныхъ потребностей, не останавливайся на этомъ опредѣленіи; пусть разумъ твой будетъ свободенъ отъ обмана чувствъ, ибо онъ свѣточъ твоя. Не мечтай, чтобы тебѣ могло послужить въ пользу все то, что совмѣстно съ предательствомъ, безсовѣстностью, ненавистью, злобой, заносчивостью, лицемѣріемъ или всякій такой поступокъ, для котораго требуется завѣса, или закрытыя двери.

Кто положилъ свою основу въ свѣтѣ разумнѣнія и служить ему, для того не можетъ быть трагическихъ положеній въ жизни, тотъ не знаетъ мученій совѣсти, не боится одиночества и не ищетъ шумнаго общества, таковой имѣетъ жизнь въ высшемъ смыслѣ этого слова, не бѣжитъ отъ людей и не гоняется за ними. Его не смущаетъ помысль о томъ: на долго ли духъ его заключенъ въ плотской оболочкѣ; поступки такого человѣка будутъ всегда одинаковы, даже въ виду близкой кончины. Для него од-

на забота: жить разумно въ мирномъ общеніи съ людьми.

5.

Держи въ почетѣ и соблюдай свою способность обсуждать и дѣлать выводы, ибо въ ея власти оградить тебя отъ ошибокъ, направить тебя къ добру и подчинить твою волю волѣ Бога; тогда твоя жизнь не будетъ идти въ разрѣзъ съ природой и истиной.

6.

Помни вышесказанное и пойми, что человѣкъ живетъ только въ настоящемъ, что прошедшаго уже нѣтъ, а будущее покрыто тьмою. И такъ, жизнь человѣка, во времени, заключается въ безконечно маломъ промежуткѣ, ибо настоящее есть мгновеніе,—а въ пространствѣ—ея предѣлъ земной шаръ—едва замѣтная точка во вселенной; безконечно ничтожна и слава, оставляемая человѣкомъ, какъ бы она не казалась громка.

7.

Къ вышесказанному надо прибавить еще слѣ-

дующее: привыкай постоянно и точно определять всякую вещь, о которой ты мыслишь, дабы ты могъ сознать какова ея природа, какова она сама по себѣ, по голой сущности своей, какое ея наименованіе, какъ называются отдѣльныя части изъ которыхъ она состоитъ и на которыя должна разложиться. Ибо ни въ какой работѣ такъ не крѣпнуть силы духа, какъ въ точномъ и близкомъ ознакомленіи съ явленіями, которыя встрѣчаются въ этой жизни, и въ развитіи способности смотрѣть на нихъ трезво, знать ихъ настоящій смыслъ и оцѣнку относительно общаго цѣлаго. Важно знать: что это—за явленіе пробудило во мнѣ дѣятельность мысли, долговѣчно-ли оно и какъ за него взяться, какъ подойти къ нему: кротко, или смѣло, искренно, прямо и просто, или осторожно. Надо при всякой встрѣчѣ умѣть сказать себѣ: вотъ это отъ Бога, вотъ это отъ роковой случайности, а это дѣло моего ближняго и брата не съумѣвшаго прожить по закону природы, для меня обязательному.

Вслѣдствіе этого знанія я буду, по отношенію къ ближнему, кротокъ и справедливъ и каждое явленіе съумѣю оцѣнить по его дѣйствительному значенію.

8.

Если ты слѣдуешь внушенію чистаго разума и охотно, ревностно стараешься надъ выполненіемъ предпринятаго дѣла, наблюдая единственно то, чтобы совѣсть твоя была чиста какъ передъ смертью, если ты, такимъ образомъ, дѣлаешь свое дѣло, не колеблясь и не торопясь, то ты проживешь счастливо и я не знаю ничего такого, что властно было бы нарушить твое счастье.

9.

Какъ врачъ, имѣющій всегда наготовѣ инструментъ для непредвидѣнныхъ случаевъ, ты долженъ всегда имѣть въ виду ученіе философіи съ помощью коего ты могъ бы различить человѣческое отъ божественнаго. Тогда ты будешь всегда дѣйствовать, даже въ малѣйшихъ вещахъ, съ полнымъ сознаниемъ той связи, въ которой состоитъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, божественное съ человѣческимъ, ибо ни что человѣческое не можетъ быть правильно разрѣшено безъ отношенія къ божественному.

10.

Перестань наконецъ самъ себя обманывать.

Нечего и думать, чтобъ ты могъ воспользоваться тѣмъ, что готовишь себѣ на старость; оставь записки и размышленія свои. Не медли, брось все это, если любишь самого себя и позаботься неотложно о спасеніи самаго драгоцѣннаго, пока это въ твоей власти.

11.

Плоть, душа и духъ,—вотъ тройная природа человѣка: плоть ощущаетъ, душа волнуется страстями, духъ разумѣетъ.

Но животныя также способны ощущать; похоти и страсти пробуждаются въ звѣряхъ, какъ и въ людяхъ, утратившихъ все человѣческое; наконецъ большинство людей, отрицая божество, разумѣніемъ своимъ служатъ всему житейскому и способны на всякое постыдное дѣло, если только могутъ совершить его безъ свидѣтелей. И такъ, если всѣ эти свойства общи всему оживленному, то отличительною особенностью разумнаго человѣка будетъ: не осквернять грѣхомъ святыню своего сердца, встрѣчать бодро все то, что посылается ему въ удѣлъ судьбою, пребывать во власти Бога, не путаться въ праздномыслии, не грѣшить словомъ противъ правды, ни дѣйствіемъ противъ справедливости. Вотъ

содержаніе простой счастливой чистой жизни, которая неопрометчиво, безъ суеты и ропота стремится къ истинной цѣли своей.

Г Л А В А IV.

1.

Обдумывай всякій поступокъ свой на основаніи самыхъ высокихъ нравственныхъ правилъ.

2.

Вошло въ обыкновение, по временамъ, отъѣзжать въ деревню, въ горы, къ морю, и тебя можетъ влечь туда. Въ сущности за этимъ скрывается большая ограниченность и односторонность. Вѣдь ты же свободенъ, во всякое время, уйти въ самого себя и нигдѣ нѣтъ такого мирнаго и тихаго пристанища, какъ въ собственной душѣ, если въ ней осталась хоть искра правды, которую намъ достаточно сознать на одно мгновение, чтобы перенестись въ состояніе мира и блаженства. И такъ уходи постоянно въ самого себя, чтобы укрѣпиться. И что можетъ

тогда возмущать тебя? Людская порочность? Но вспомни, что все разумное создано другъ для друга, что претерпѣть неправду значитъ исполнить всякую правду, что невольная погрѣшность невмѣняема человѣку, что большинство людей, силою неумолимага сцѣпленія обстоятельствъ, увлекается на путь насилія, ненависти и злобы и что судьба таковыхъ есть отверженіе. Тогда возмущеніе уляжется въ тебѣ. Или это твоя плоть возмущается? Но тебѣ извѣстно, что духъ, познавшій себя и свою силу, не колеблется какъ, трава, по волѣ вѣтра суроваго или мягкаго. Не забывай, что внѣшнее не должно вторгаться въ область духа, а такъ и оставаться внѣшнимъ, что, въ сущности, нѣтъ безобразія, а возникаетъ оно въ мнѣніи тѣхъ, кто представляетъ себѣ безобразное; второе, что все видимое повинуется закону превращенія: все должно измѣниться, какъ ты самъ, уже подвергавшійся не разъ превращеніямъ. Однимъ словомъ, помни, что основной законъ внѣшняго міра есть измѣненіе, а внѣшняя жизнь есть въ сущности, твое личное представленіе о жизни.

3.

Если всѣмъ людямъ принадлежитъ общее дос-

тояніе, добытое разумомъ, то самый разумъ есть нѣчто общее всему человѣчеству, точно также какъ и указанія разума о томъ, что хорошо и что дурно, то есть, внутренній законъ. Можно придти къ заключенію, что весь міръ есть одинъ городъ, коего всѣ люди—граждане. Откуда же способность мышленія и та разумная верховная сила, которою обладаетъ человекъ, ибо все откуда нибудь беретъ свое начало: земляное въ человекѣ—отъ земли, мокрое,—отъ воды, а теплота,—отъ огня. Такъ и разумніе въ человекѣ, или духовная сущность его, имѣеть свое высочайшее начало.

4.

Есть соотношеніе между рожденіемъ и смертію. То и другое явленіе—тайна. Тѣже составныя части, которыя вступаютъ здѣсь въ органическую связь,—тамъ подвергаются разложенію; и въ этомъ нѣтъ ничего возмутительнаго, оно не противорѣчитъ разуму и естеству.

5.

Боль есть живое представленіе о боли; сдѣлай усиліе воли, чтобы измѣнить это представ-

леніе, откинь его перестань жаловаться и боль исчезнетъ.

6.

Все что совершается имѣетъ свое оправданіе. Это явно для прозорливаго. По этому я повторяю: все не только въ порядкѣ вещей, но справедливо, т. е. все какъ бы исходитъ отъ кого-то, распредѣляющаго все по справедливости и по достоинству. Продолжай наблюдать внимательно и, что-бы ты не предпринялъ, будь добрѣ въ тѣсномъ, непосредственномъ, прямомъ смыслѣ этого слова; памятуй объ этомъ.

7.

Не поддавайся настроенію духа того, который тебя оскорбляетъ и не становись на ту точку зрѣнія, на которую бы ему хотѣлось увлечь тебя, а смотри на дѣло трезво и правдиво.

8.

Человѣкъ долженъ быть всегда готовъ исполнить слѣдующія два условія: во первыхъ, въ дѣйствіяхъ своихъ руководиться верховнымъ за-

конамъ разума, коего требованія во всемъ согласны съ благомъ ближняго; во вторыхъ не настаивать на своемъ мнѣнїи, если оно поколеблено чьимъ либо справедливымъ доводомъ. Впрочемъ, всякая переменна убѣжденій должна оправдываться тѣмъ, что новое возрѣнїе ближе къ истинѣ и правдѣ, а не тѣмъ, что оно привлекательнѣе или выгоднѣе.

9.

Если ты обладаешь разумомъ, почему же онъ не дѣйствуетъ въ тебѣ? Если онъ дѣлаетъ свое дѣло—чего тебѣ больше желать.

10.

Ты еще только часть цѣлаго. Придетъ время когда ты воссоединишься съ Тѣмъ, отъ кого произошелъ, или точнѣе, по окончанїи твоихъ превращеній ты будешь вновь воспринять однороднымъ тебѣ Началомъ, породившимъ тебя.

11.

Попробуй обратиться къ основѣ разума,—жить разумно,—увидишь, что въ десять дней тѣ, ко-

торые обращались съ тобой какъ со скотомъ, или обезьяной, стануть боготворить тебя.

12.

Не устраивай своей жизни съ расчетомъ на долготѣіе; смерть твоя можетъ быть весьма близка. Но покуда живешь, покуда это въ твоей власти,—твори добро.

13.

Сколько времени могъ бы сберечь всякій, не занимаясь тѣмъ, что дѣлають, говорятъ, или думаютъ другіе, а только тѣмъ, чтобы самому быть человѣкомъ прямымъ и справедливымъ, не ищущимъ, какъ говоритъ поэтъ Агаѳонъ, черныхъ пятенъ вокругъ себя, а идущимъ неуклонно и не озираясь по своему прямому пути.

14.

Все прекрасное обладаетъ совершенною красотою само въ себѣ, такъ что хвала не измѣняетъ сущности его. Сущность красоты не измѣняется отъ похвалы и это равно относится къ красотѣ въ матеріи и искусствѣ. Истинно

прекрасное точно также выше похвалы, какъ законъ Бога, правда, добро, цѣломудріе. Всему этому несвойственно измѣняться отъ похвалы или порицанія. Развѣ красота самоцвѣтнаго камня, пурпура, золота, слоновой кости, мелодіи, цвѣтка или дерева убавится отъ того, что ихъ не похвалятъ.

15.

Какъ человѣку найти вѣрное средство познавать истину? Привыкать во всемъ различать матерію отъ силы и причины, призрачное отъ сущаго, обманъ отъ правды, справедливость отъ неправды.

16.

Все то, что составляетъ гармонію въ природѣ, есть гармонія и для меня, ничто для меня не рано и не поздно, что своевременно для нея. Все что созрѣло въ лонѣ природы — есть сладкій плодъ и для меня. Все исходитъ отъ нея, сосредоточено въ ней и возвращается къ ней.

Кто-то, увидавъ *Θивы*, воскликнулъ: о славный городъ *Кекропса*! Такъ и я, взглянувъ на

природу скажу: О! великій городъ Высочайшаго неизвѣстнаго Бога.

17.

Демокритъ сказалъ: „если хочешь чтобъ тебѣ было хорошо, ограничь кругъ своей дѣятельности немногими предметами.“ Еще лучше, направь ее всю на самонужнѣйшее, на то, къ чему разумѣніе обязываетъ насъ по закону общечеловѣческому; исполняя этотъ законъ, можно избѣгнуть не только излишней суеты, но и зла и быть счастливымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы наслаждались бы въ большей мѣрѣ спокойствіемъ и довольствомъ, если бы отказались отъ излишнихъ рѣчей и дѣлъ. Необходимо прислушиваться къ голосу разума и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, прежде нежели приступать къ дѣйствию, спросить себя: не пустое ли я предпринимаю? Если воздержись отъ праздномыслія, то и не будешь дѣйствовать по пустому.

18.

Попробуй, можетъ быть тебѣ удастся прожить какъ человѣку, довольному своей судьбою,

пріобрѣтшему внутренній миръ любовью и добрыми дѣлами.

19.

Слушай, вотъ еще совѣтъ: не волнуйся, оставайся въ самомъ себѣ. Если кто тебя оскорбилъ, вѣдь тотъ прежде всего самъ себя оскорбилъ. Случилось ли что съ тобой прискорбное, это то бремя, которое тебѣ назначено; все что случается есть воля Божія. Жизнь коротка, надо чтобы дѣла твои, въ настоящемъ, были разумны и праведны; если ты усталъ—отдохни, но не пресыщайся отдыхомъ.

20.

Есть философы, которымъ нечего надѣть, они ходятъ полунагіе; они научились философіи не изъ однихъ книгъ, имъ нечего ѣсть, но они вѣрны своему убѣжденію. И для меня философія не есть способъ добывать хлѣбъ; такъ и каждый пусть любитъ занятіе, которому посвятилъ себя и въ немъ находитъ удовлетвореніе, пусть привыкаетъ во всякомъ дѣлѣ полагаться

на боговъ,—не быть ни чьимъ тираномъ и ни чьимъ рабомъ.

21.

Слова, которыя нѣкогда были въ употребленіи, теперь устарѣли и забыты точно также какъ имена славнѣйшихъ мужей; н. п. Камилла, Сципіона, Катона, Августа, Антонина. Такъ-вые быстро меркнутъ, принимаютъ легендарный характеръ и за симъ погружаются въ забвеніе.

Такъ бываетъ съ памятью тѣхъ, которые нѣкогда были свѣтилами міра; память же объ остальныхъ исчезаетъ тотчасъ вмѣстѣ съ ними, ихъ точно никогда не бывало, точно никто и не зналъ о ихъ существованіи. Значить, незабвенность—пустое слово. Чего же стоитъ домогаться? Вотъ чего: стойкости въ убѣжденіяхъ, жизни для блага другихъ, правды во всемъ и такого состоянія духа, при которомъ ты сознаешь благомъ все совершающееся, истекающее изъ одинаго источника, съ которымъ ты самъ нераздѣльно связанъ.

22.

Одинаково кратковременна жизнь размыш-

ляющаго и жизнь того, о комъ онъ размышляетъ.

23.

Превращеніе—вотъ всеобщій законъ; природа творить, измѣняя прежнее и съ любовью обновляетъ обвѣтшалыя формы. Всякое существо носитъ въ себѣ зародышъ жизни слѣдующаго. Не заблуждайся, считая сѣменемъ только то, что ввѣряется землѣ, или воспринимается маткой.

24.

Какъ скоро тебѣ придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться отъ притворства и страстей, не можешь отстать отъ предразсудка считать, что внѣшнее можетъ вредить человѣку, не можешь сдѣлаться кроткимъ со всякимъ и еще не убѣдился, что справедливость есть единая истинная мудрость.

25.

Обдумывай творенія мудрецовъ, старайся проникнуть въ духъ ихъ и понять чего они искали и чего избѣгали.

26.

Причина несчастій человѣка кроется не въ другихъ людяхъ и не во внѣшнихъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Гдѣ же она? спросишь ты. Въ твоёмъ собственномъ представленіи или мнѣніи. Не считай несчастіемъ того, что съ тобой приключается и все будетъ ладно. Если непосредственно къ тебѣ прикасающееся внѣшнее причиняетъ тебѣ боль, обжогъ, или порѣзъ, то разумная часть твоего существа, которая разсуждаетъ о вредѣ тебѣ нанесенномъ, должна сохранять свое спокойствіе, т. е. разумѣть, что твое благо или несчастіе никакъ не можетъ стоять въ зависимости отъ случайностей, которыя постигаютъ одинаково добраго и злаго человѣка.

27.

Вся вселенная есть единое живое существо, единая міровая матерія и единая міровая душа. Изъ этой сознательной всемірной сущности возникаетъ все и все къ ней возвращается, такъ что всякое отдѣльное существо состоитъ въ неразрывной, органической связи со всѣми прочими.

28.

Эпиктетъ сказалъ: человекъ — это духъ съ мертвецомъ на спинѣ.

29.

То превращеніе, которому всѣ мы неизбѣжно подвержены, въ сущности, не есть ни добро, ни зло.

30.

Міръ подобенъ потоку, въ которомъ одно безостановочно смѣняется другимъ и все готовится къ бытію. Едва на поверхности его что-то всплыло, какъ тотчасъ поглощается! а, глядишь, на то мѣсто, гдѣ сейчасъ что-то исчезло, волна уже несетъ что-то другое.

31.

Какъ лѣтней порѣ свойственны розы, а осени плоды, такъ каждому человеку не только свойственна его судьба, но она есть благо для него, хотя бы люди называли эту судьбу болѣзнию, смертью, срамомъ, или поношеніемъ.

Терзаться тѣмъ, что посылается для его блага, можетъ только неразумный.

32.

Надо помнить мнѣніе Гераклита, что вода погубитъ землю, воздухъ проглотитъ воду, а огонь пожретъ воздухъ; надо помнить также о томъ человѣкѣ, который не зналъ куда идетъ и о безуміи тѣхъ людей, которые, забывая что живы только разумомъ, постоянно враждуютъ съ нимъ и упорно продолжаютъ считать себѣ чуждымъ все то, съ чѣмъ сталкиваются ежедневно; надо остерегаться говорить и дѣйствовать какъ во снѣ, ибо и въ этомъ состояніи человѣку кажется, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ и, наконецъ, надо знать, что нельзя всю жизнь твердить какъ дѣти: „такъ говорили отцы наши, мы держимся „строго ихъ преданія.“

33.

Если бы тебѣ было предостереженіе отъ Бога, что завтра или послѣ завтра ты умрешь, тебѣ бы должно принять это безмятежно, если-бъ даже ты не вѣрилъ въ свое безсмертіе. Ибо нѣтъ ничего радостнаго въ отсрочкѣ. Одинаково без-

мятежно тебѣ-бы надо принять и то, если-бъ кто сказалъ тебѣ: не послѣ завтра смерть твоя, а спустя много лѣтъ.

34.

Сколько врачей умерло, приговоривъ къ смерти своихъ больныхъ; сколько астрологовъ, предсказывавшихъ погибель многимъ людямъ и сколько философовъ, разрѣшившихъ безошибочно, по ихъ мнѣнію, вопросы о жизни и смерти; сколько погибло героевъ, обогранныхъ кровью людскою; сколько монаховъ, безразсудно злоупотреблявшихъ своею властью надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ, какъ будто они сами не были повинны смерти; сколько городовъ погибло: Гелицея, Геркуланумъ, Помпея и безчисленные другіе, коихъ и слѣдъ простылъ! А тѣ, которыхъ ты близко зналъ: изъ нихъ многіе похоронили другихъ, а за тѣмъ и сами подобались. Ибо все человѣческое преходяще и ничтожно: вчера, — это мыльный пузырь, завтра, — это какая-то разодѣтая мумія, которая вдругъ разсыпается прахомъ. Поэтому воспользуйся какъ должно сегодняшнимъ днемъ, тогда легко оторвешься отъ жизни, какъ созрѣвшій плодъ срывается со стебля, благословляя

вѣтвь, на которой висѣлъ и древо вскормившее его.

35.

Тебѣ надо стоять твердо въ жизни, какъ скала въ морѣ, о которую волна разлетается брызгами. Когда люди называютъ несчастіемъ постигающее ихъ бѣдствіе,—говори: какое счастье найти въ себѣ силу духа, чтобы снести его бодро, какое счастье привыкнуть поднимать ежедневное бремя и не бояться завтрашняго. И почему же бѣдствія считать вредомъ, а не пользой? Развѣ можешь ты назвать вредомъ все то, что не ухудшаетъ душу человѣка, развѣ чтонибудь можетъ вредить человѣку и портить его, кромѣ того, что исходитъ отъ него же? Вспомни, что ты знаешь о томъ: „что во власти человѣка.“ Развѣ бѣдствіе можетъ помѣшать тебѣ быть справедливымъ, свободнымъ, мужественнымъ, умѣреннымъ, мудрымъ, честнымъ? Развѣ бѣдствіе лишаетъ человѣка свойствъ его природы? Поэтому всякій разъ, какъ въ тебѣ закипаетъ гнѣвъ, вспомни эту истину: что бѣдствіе не есть несчастіе, а что, напротивъ, радостно снести его бодро и безропотно.

36.

Если хочешь привыкнуть безъ страха помышлять о смерти, то попробуй всмотрѣться и живо войти въ положеніе тѣхъ людей, которые изъ всѣхъ силъ привержены были къ жизни. Таковымъ представлялось, что смерть постигла ихъ преждевременно. Между тѣмъ самыя долготнѣе, похоронившіе многихъ, наконецъ все таки умерли. Какъ кратокъ этотъ промежутокъ времени, какъ много вмѣщается въ немъ горя, зла и какъ хрупокъ сосудъ жизни! Стоитъ-ли говорить объ этомъ мгновеніи. Подумай, — за тобой вѣчность, впереди тоже вѣчность! Между этими двумя безднами, какую можетъ для тебя составить разницу проживешь ли ты 3 дня, или 3 вѣка.

37.

И такъ, ограничивай себя и ставь себѣ предѣлы, помня краткость предстоящаго пути. Природа указываетъ тебѣ этотъ прямой кратчайшій путь къ цѣли. Слѣдуй за нею, дѣйствуя всегда прямо и правдиво, этимъ избавишь себя отъ тяжести лгать, хитрить и притворяться.

Г Л А В А V.

1.

Если, проснувшись рано, тебѣ не хочется встать,—тотчасъ скажи себѣ: я пробудился къ разумной дѣятельности, родился на свѣтъ для нея же и стану роптать на то, что приходится взяться за дѣло! Или я готовился сладострастно нѣжиться въ постелѣ? Конечно это пріятнѣе, но развѣ призваніе мое — предаваться чувственности, а не напрягать свои силы къ творческой дѣятельности. Смотри, всякая тварь трудится надъ своимъ дѣломъ: воробей, паукъ, пчела, муравей, всякій, по своему, исполняетъ призваніе своей природы, а я одинъ буду сворачивать съ указаннаго пути и не исполню того, что требуетъ моя природа? Но надо-же и отдохнуть, возразишь ты! И то правда, но только въ той мѣрѣ, въ какой указываетъ сама природа: для сна, когда ты проснулся, для питья и пищи, когда ты сытъ и не жаждешь. Но лежать въ постелѣ и сидѣть за обѣдомъ ты готовъ подольше, только въ разумной дѣятельности пятишься на-

задъ. Тутъ-то видно, что ты не умѣешь любить самого себя, а то ты съ любовью исполнялъ бы требованіе истинной природы своей.

Иной художникъ такъ любитъ свое искусство и настолько въ него погруженъ, что забываетъ помыться и поѣсть. Ты же менѣ цѣнишь свое челоѣчество, чѣмъ токарь свое искусство, или плясунъ свои прыжки, чѣмъ скупой свое богатство, или честолюбецъ свою славу. Ибо когда таковые съ любовью предаются своему дѣлу, то гораздо менѣ заботятся о пищѣ и снѣ, чѣмъ объ томъ, чтобы достигнуть наибольшаго успѣха. А ты! неужели считаешь свою дѣятельность для блага другихъ дѣломъ менѣ достойнымъ усилій и стараній.

2.

Совсѣмъ не такъ трудно освободиться отъ всякаго непотребнаго, навязчиваго помысла, нарушающаго внутренній міръ твой, и немедленно возстановлять, такимъ образомъ, ясность и спокойствіе духа.

3.

Почитай достойнымъ себя всякое слово и дѣ-

ло, согласное съ природой. Пусть никто не властенъ будетъ отвратить тебя отъ словъ и дѣйствій, согласныхъ съ природой, ни порицаніемъ, ни насмѣшкой. Если, по твоему убѣжденію, то, что ты говоришь и дѣлаешь есть добро, не думай, чтобъ оно могло, когда нибудь, быть не достойнымъ тебя. Порицающіе тебя за это имѣютъ свои отдѣльныя цѣли и намѣренія и слѣдуютъ личному своему побужденію. Не смотри на нихъ, а слѣдуй прямымъ путемъ, на которомъ найдешь единеніе своей природы съ обще-человѣческою, ибо путь обѣихъ одинъ и тотъ-же.

4.

Допустимъ, что ты не можешь приобрѣсть блестящаго ума, если не одаренъ имъ отъ природы; но вѣдь есть много такихъ способностей, о которыхъ ты не можешь сказать: „я не рожденъ для нихъ“. Исполни-же все то, что отъ тебя одного зависитъ: всякій можетъ быть честнымъ, правдивымъ, трудолюбивымъ, воздержнымъ, трезвымъ, можетъ умѣрять въ себѣ чувственность и довольствоваться своей судьбой. Видишь, какъ много ты можешь выполнить съ нынѣшняго-же дня, безъ малѣйшей отговорки, что

ты не способенъ, или не одаренъ; — а все до сихъ поръ сознательно бездѣйствуешь. Развѣ по слабости или безсилію своей природы ты безпрестанно сердиться, бранишься, лѣнишься? Ты обвиняешь во всемъ этомъ свою плоть, а потомъ нѣжишь ее и исполняешь ея похоти, обременяя разумъ этой бессмысленной работой. Пойми, что уже давно ты могъ-бы освободиться отъ своихъ пороковъ, еслибъ ты не желалъ казаться умнѣе чѣмъ ты есть. Твоей бездарности достало-бы вполнѣ на самоисправленіе.

5.

Есть люди, которые, оказавъ кому нибудь услугу, тотчасъ считаютъ себя въ правѣ ожидать за нее возмездіе; другіе, нерасчитывая на прямое возмездіе, ни на минуту, однако, не забываютъ оказанной услуги и въ душѣ своей признаютъ, что у нихъ есть должники; наконецъ, бываютъ и такіе, которые всегда готовы услужить, почти безсознательно, по одному влеченію сердца; эти подобны виноградной лозѣ, которая, выростивъ свои грозды, вполнѣ удовлетворена тѣмъ, что созрѣлъ на ней, ей одной свойственный, плодъ ея. Конь, пробѣжавшій своей дорогой, собака, настигнувшая серну, пчела собравшая медъ, никого не сзываютъ,

воскликая: „смотрите что мы сдѣлали!“, а немедленно переходятъ къ другой работѣ. Плодовое дерево, отдавъ свой плодъ, точно также немедленно завязываетъ новыя почки.

Такъ должно поступать человѣку, когда онъ совершитъ доброе дѣло. Но неужели и въ правду надо желать уподобляться тѣмъ, кои творятъ добро безсознательно. Да, конечно, надо сознавать, что хорошо уподобляться такимъ людямъ. Ты скажешь: однако, человѣкъ, рожденный для жизни общей, не долженъ ли знать какіе его поступки согласны съ его призваніемъ, т. е. знать когда онъ дѣйствуетъ ко благу другихъ, и не законно ли ему желать, чтобы другіе вѣдали о томъ. Правда! Но въ этомъ случаѣ ты не вѣрно прикладываешь правду и уже имѣешь много общаго съ вышеописанными людьми, ожидающими возмездія. Тѣ тоже сбѣдись съ пути, блуждая за подобіемъ правды. Во всякомъ случаѣ между нами будетъ недоразумѣніе, если ты не пришолъ къ главному, прямому выводу, что ни подъ какимъ предлогомъ нельзя упускать случая сдѣлать всевозможное ко благу другихъ.

6.

Какъ Эскулапъ, говорятъ, прописывалъ:

одному верховую ѣзду, другому холодныя ванны, третьему ходить босикомъ, такъ и Провидѣніе прописываетъ намъ болѣзни, увѣчья и прискорбныя потери.

Какъ, въ первомъ случаѣ, предписанія Эскулапа клонились къ восстановленію здоровья больного, такъ точно и случайности, которымъ Провидѣніе подвергаетъ человѣка, клонятся къ нравственному оздоровленію его, къ восстановленію связи, его оторваннаго, личнаго существованія съ общей жизнью всего человѣчества.

Каждый отдѣльный человѣкъ можетъ весьма удачно примѣнить по отношенію къ себѣ точный смыслъ слова „пазить,“ которое въ употребленіи у каменщиковъ, когда они, выводя пирамиду или стѣну, стараются пригонять тесанные камни какъ можно плотнѣе одинъ къ другому. Жизнь отдѣльнаго человѣка должна, точно также совершенно плотно, сrostись съ общемою жизнью человѣчества, ибо все твореніе проникнуто великою гармоніею и единствомъ. И какъ въ природѣ существованіе всякаго недѣлимаго понятно только въ связи со всѣми прочими, такъ въ области нравственной всѣ явленія жизни состоятъ въ органической связи между собою.

Эта самая мысль скрыта подъ общеупотребитель-

тельными выраженіями: такъ ему было суждено, таковъ былъ его удѣлъ.

И такъ принимай все то, что выпадаетъ тебѣ на долю, какъ принимали больные лѣкарства Эскулапа. Возстановленіе здоровья организма,— вотъ смыслъ этихъ горькихъ лѣкарствъ; но вѣдь для всеобщей разумной природы сохраненіе единства цѣлаго, т. е. исполненіе каждымъ существомъ своего назначенія въ цѣломъ, также важно, какъ для больного сохраненіе здоровья организма. Поэтому тебѣ надо привѣтствовать все то, что съ тобой приключается, даже самое горькое, ибо смыслъ такихъ случайностей есть здравіе и цѣлость мірозданія, благоденствіе и счастье Верховнаго Существа, которое такъ пригоняетъ составныя части, чтобы онѣ плотно срослись въ однородное цѣлое. Природа, живая Его разумомъ, бессознательно думаетъ и все, что отъ нея исходитъ, безошибочно содѣйствуетъ сохраненію единства.

И такъ, какова бы ни была судьба твоя, ты, по двумъ причинамъ, долженъ быть доволенъ ею. Во первыхъ потому, что это твоя, тебѣ лично удѣленная доля, черезъ которую ты дѣлаешься участникомъ цѣлаго, звѣномъ въ цѣпи, связующей тебя съ основною причиною. Во вторыхъ потому, что опредѣленная тебѣ судьба,

или твоя жизнь, нужна какъ одна изъ составныхъ частицъ всеобщаго цѣлаго, а всякое нарушеніе одной изъ сдѣпленныхъ между собою составныхъ частицъ его есть посягательство на неприкосновенность цѣлаго. Если же ты ропщешь и противишься своей судьбѣ, то ты, насколько это въ твоей власти, такъ сказать, силичишься разорвать свою связь съ цѣлымъ.

7.

Не падай духомъ и не отчаявайся, если тебѣ не вполнѣ удастся, въ поступкахъ твоихъ, неуклонно слѣдовать твоимъ основнымъ правиламъ. Если ты упалъ съ высоты своей, старайся снова подняться, — кротко претерпѣть испытаніе жизни и охотно, сознательно придти назадъ къ своимъ основамъ. Не возвращайся къ философіи какъ школьникъ идетъ, понуря голову, къ учителю, а прибѣгай къ ней, какъ страдающій глазами къ губкѣ съ примочкой, или яичному бѣлку, какъ раненый къ пластырю или свѣжей водѣ. Ничто не принудитъ тебя повиноваться разуму. Ему надо отдаваться свободно съ полнымъ довѣріемъ. Ты знаешь вѣдь философія ничего другаго не желаетъ, кромѣ того самаго къ чему стремится истинная природа твоя. Но ты

захотѣлъ чего-то другаго, противнаго ей, потому что тебя соблазнилъ какой-то призракъ. Такими обманами прельщается наша похоть. Разсуди, не выше-ли наслажденіе, доставляемое великодушіемъ, самообладаніемъ, внутреннимъ миромъ; простотой и чистотою нравовъ.

Что можетъ быть выше премудрости, если подъ этимъ словомъ разумѣть силу духа, которая, уравнивая каменистый жизненный путь, ни съ кѣмъ не сталкивается на немъ, а проходить его мирно и безмятежно.

8.

Жизнь наша, значеніе ея и все житейское облечено въ такую глубокую тьму, что остается непонятнымъ для большей части самыхъ недюжинныхъ философовъ. Даже стойки и тѣ признаются, что едва могутъ разобраться въ ней. Какимъ заблужденіямъ подвержена дѣятельность нашего ума! Гдѣ тотъ человѣкъ, который бы разсуждалъ непогрѣшимо! А все внѣшнее, вещественное, какъ оно ничтожно и преходяще! оно достается самымъ недостойнымъ, — развратникамъ, ворами. Далѣе, взгляни на своихъ современниковъ, какъ трудно ужиться съ нравами лучшихъ изъ нихъ, а подъ часъ и переносить

самого себя. При такомъ непостоянствѣ чело-
вѣческихъ дѣлъ, похожихъ на бурный, грязный
потокъ, неожиданно мѣняющій свое русло, я не
вижу передъ собою ничего достойнаго почита-
нiя и любви. Напротивъ, единственное утѣше-
нiе,—думать о томъ, что приближаешься къ об-
щей судьбѣ всего живущаго, терпѣливо идти
къ этой цѣли, памятуя въ 1-хъ, что ничего та-
кого не можетъ со мною случиться, что не вхо-
дитъ въ общій порядокъ природы; во 2-хъ, что
я свободенъ воздержаться отъ всего такого, что
противно волѣ Сущаго во мнѣ Бога и что ни-
кто не можетъ заглушить во мнѣ голоса Его,
если я буду внимать ему.

9.

На какой предметъ обращена въ настоящую
минуту твоя душа?—вотъ о чемъ ты долженъ без-
престанно заботиться.

Надъ чѣмъ работаетъ высшая способность, уп-
равляющая твоимъ существомъ? Какая у тебя
сейчасъ душа? душа ребенка, или юноши,
женщины, или деспота, душа безсловеснаго жи-
вотнаго, или свирѣпая,—звѣриная.

10.

Чтобъ различить истинное добро отъ мнимаго,

можно воспользоваться слѣдующимъ остроумнымъ приѣмомъ извѣстнаго древняго комика. Если скажемъ: „человѣкъ, крѣпкій духомъ, пренебрегаетъ богатствомъ, роскошью, почестями и честолюбіемъ,“ мы не чувствуемъ никакого противорѣчія; если же скажемъ: „человѣкъ крѣпкій духомъ, пренебрегаетъ разумомъ, умѣренностію, справедливостію и мужествомъ,“—противорѣчіе будетъ явное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выступитъ несомнѣнное отличіе истинныхъ благъ отъ мнимыхъ.

11.

Я состою изъ двухъ началъ: причины или силы и матеріи. Ни то, ни другое не можетъ уничтожиться и не могло произойти изъ ничего. И такъ, когда наступитъ перемѣна, обѣ составныя части мои перейдутъ въ соотвѣтствующее, каждой изъ нихъ, міровое Начало, потомъ облечутся въ новыя формы и вновь измѣнятся и такъ далѣе впередъ до безконечности. Точно такой перемѣнѣ я одолженъ своимъ существованіемъ, равно и тѣ, отъ которыхъ я родился и такъ да-

Неизвѣстно на кого намекаетъ Маркъ Аврелій, но, по характеру цитаты, вѣроятно на Аристофана.

лѣе назадъ до безконечности. Этотъ порядокъ не измѣненъ, не смотря на періодическіе перевероты, которымъ подвергается вселенная.

12.

Разумъ и его дѣятельность—такая верховная сила, которая удовлетворяется сама въ себѣ и ничѣмъ извнѣ не побуждается. Разумъ направляется самымъ прямымъ путемъ къ своей цѣли и не нуждается во внѣшнѣй опорѣ. Всякое разумное дѣйствіе само сабой оправдывается и открываетъ путь къ правдѣ.

13.

Человѣкъ не можетъ считать своею собственностію ничего такого, что не есть его достояніе, какъ человѣка, ничего такого, чего не требуетъ истинная природа его, что не составляетъ его обѣтованія и не способствуетъ къ усовершенствованію его; слѣдовательно, все то, что не добро, не можетъ быть предметомъ его усилій и домогательствъ. Если-бъ это было не такъ, то мы были бы не въ правѣ считать, что человѣкъ обязанъ избѣгать обманчивыхъ, временныхъ благъ и не имѣли-бы основанія одобрять тѣхъ, кто из-

бѣгаетъ ихъ. Нельзя было-бы называть добродѣтельными тѣхъ, кто чуждается ложныхъ благъ. Человѣкъ стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе воздерживается отъ нихъ, чѣмъ легче обходится безъ нихъ и чѣмъ меньше жалѣетъ объ ихъ утратѣ.

14.

Каковы помыслы; на которыхъ чаще всего сосредоточивается твоя мысль, таковы точно и твои намѣренія. Ибо душа пресыщается помыслами. По этому старайся думать о слѣдующемъ: гдѣ бы я не жилъ, я могу жить честно, а слѣдовательно и при дворѣ; все сотворенное намѣчено для опредѣленной цѣли, а куда что намѣчено, то туда и стремится, достиженіе своей цѣли есть назначеніе всякаго существованія, цѣль же разумнаго существованія есть жизнь общая, ибо мы рождены для жизни общей; несомнѣнно и то, что непросвѣщенные должны руководиться просвѣщенными, просвѣщенные же другъ для друга существуютъ; одушевленное выше бездушнаго, но разумное выше всего.

15.

Никогда не можетъ приключиться человѣку ни-

чего такого, чего бы онъ не былъ въ силахъ перенести. Безпрестанно видишь людей, которые по незнанію, или ради хвастовства, стойко и спокойно переносятъ несчастные случаи и страданія. Неужели въ невѣжествѣ и тщеславіи больше нравственной силы, чѣмъ въ духѣ человѣка! Нѣтъ,—разумное начало его должно стоять выше всего внѣшняго. Духъ свободенъ и управляется своимъ внутреннимъ закономъ. Все внѣшнее, подчиняясь могуществу его, должно быть лишь тѣмъ, чѣмъ признаетъ его эта разумная сила.

16.

Законъ, который побуждаетъ насъ къ кротости и добру, соединяетъ людей въ общей жизни узами взаимной любви. Если же я встрѣчаю между ними препятствующихъ мнѣ исполненію этого долга, то я ограждаю себя отъ нихъ равнодушно, какъ ограждаютъ себя отъ солнца, отъ вѣтра, отъ животныхъ, на которыхъ нельзя сердиться. Для меня важно то, что въ моей власти устранить отъ ихъ противодѣйствія. Я могу избѣгнуть ихъ, могу и попытаться смягчить ихъ сердца, пробудить и въ нихъ добро.

Такимъ образомъ ничто не можетъ нарушить

моего стремленія къ благу. Препятствіе на этомъ пути, преодоленное напряженіемъ духа, придаетъ мнѣ новыя силы; то, что грозило быть преградой къ достиженію добра, само становится добромъ и свѣтлый путь открывается внезапно тамъ, гдѣ не видно было исхода.

17.

Передъ источникомъ добра, передъ тѣмъ Существомъ, отъ котораго все исходитъ и которое все держитъ въ рукѣ своей, подобаетъ благоговѣть. Благоговѣй и передъ началомъ добра, которое въ тебѣ однородно съ первымъ, ибо и въ тебѣ есть духъ, вмѣщающій въ себѣ весь міръ и управляющій твоею жизнью.

18.

Если меня кто оскорбилъ—это его дѣло, такова его склонность, таковъ его нравъ; у меня свой нравъ, такой, какой мнѣ данъ отъ природы, и я останусь, въ своихъ поступкахъ, вѣренъ своей природѣ.

19.

Пусть руководящее начало твоего существа

никогда не будетъ причастно раздраженію и возбужденію, которому подвержена плоть. Пусть это начало господствуетъ въ своей области и ставитъ предѣлъ возбужденію; но если это возбужденіе растетъ и охватываетъ душу, то тутъ слѣпая природа вступаетъ въ свои права и бороться съ нею бесполезно. Только разумъ твой пусть воздержится отъ сужденія о томъ, добро это или зло, оно ни то, ни другое.

20.

Живи въ единеніи съ Богомъ, т. е. дѣломъ докажи, что душа твоя радостно подчиняется Его волѣ, что въ поступкахъ своихъ ты руководишься свѣтомъ, который дарованъ намъ Высочайшимъ Существомъ, какъ часть Его Самого, чтобы указывать намъ путь. Свѣтъ этотъ есть духъ твой, твое разумѣніе.

21.

Можешь ли ты разумно негодовать на человека, одержимаго какимъ нибудь отвратительнымъ недугомъ. Чѣмъ онъ виноватъ, что его сосѣдство тебѣ противно. Точно также относись и къ нравственнымъ недугамъ. Но, скажешь ты:

у человѣка есть разумъ, помощью котораго онъ можетъ сознавать свои пороки. Это вѣрно. Слѣдовательно, и ты обладаешь разумомъ и можешь разумнымъ обхожденіемъ привести ближняго къ сознанію своихъ недостатковъ; такъ прояви же свой разумъ, съумѣй пробудить въ человѣкѣ совѣсть и исцѣли его слѣпоту безъ гнѣва, нетерпѣнія и надменности.

22.

Начни теперь сейчасъ жить тою жизнью, которою, по твоему расчету, необходимо начать жить лишь передъ самою смертью. Если же твоя жизнь не выносима, то расстанься съ нею,¹ но такъ, чтобъ ты не считалъ, что съ тобой совершается что то прискорбное. Если въ комнатѣ дымить, вѣдь ты уходишь, почему же тебѣ кажется такъ трудно покинуть жизнь? Покуда однако ничто тебя слишкомъ не тѣснитъ, ты долженъ жить какъ человѣкъ, которому никто не можетъ воспрепятствовать въ дѣятельности избранной его свободной волей; а свободная во-

¹ Стоики учили, что есть случаи въ жизни, когда не только дозволено, но даже предписывается самоубійство. По видимому Маркъ Аврелій, воспитанный на стоической философіи, раздѣлялъ это заблужденіе.

ля человѣка согласна съ его разумной природой, какъ существа рожденнаго для жизни общей, а не личной.

23.

Духъ вселенной призываетъ все сотворенное къ жизни общей. Онъ подчинилъ существа низшаго разряда высшимъ, а разумнымъ указаль единеніе между собою въ согласіи и любви. Можно ясно различать какъ всякое существо, покоряясь этому закону, подвигается на подобающую ему ступень.

24.

Испытывай себя, какъ ты до сихъ поръ относился къ Богу, къ родителямъ, женѣ, дѣтямъ, наставникамъ, друзьямъ, сверстникамъ и слугамъ; не имѣлъ ли когда съ ними столкновеній словомъ, или дѣломъ, припомни все прожитое и узнай мѣру своихъ силъ. Можетъ быть уже свершилось твое странствованіе и служеніе твое окончено; вспомни все прекрасное въ твоей жизни, какъ часто тебѣ представлялся случай стать выше утѣхъ и печалей, подавить че-

столюбіе и какъ, вмѣсто того, ты безразсудно злоупотреблялъ своимъ человѣчествомъ.

25.

Зачѣмъ грубыя, непросвѣщенные души тревожатъ души опытыя и просвѣщенные? Чтобъ найти отвѣтъ надо строго опредѣлить значеніе души опытной и просвѣщенной. Это душа, познающая причину и цѣль всего сущаго, признающая надъ собой власть верховнаго Разума, которымъ проникнуто все созданіе и которымъ оно непрестанно управляется отъ вѣка и до вѣка.

26.

Еще не много, и отъ тебя останется одинъ прахъ и тлѣніе. Самое имя твое изгладится, ибо оно пустой звукъ. Все, что такъ цѣнится въ жизни, есть гниль и ничто; люди въ жизни похожи на собакъ, которыя грызутся изъ за кости, или на дѣтей, которыя ссорятся и плачутъ, а потомъ смѣются. Правда, добро и справедливость покинули землю и поселились на небѣ. Чтожъ тебя здѣсь такъ привлекаетъ? Вѣдь все, что человѣкъ познаетъ своими чувствами, непостоянно и безостановочно измѣняется; са-

мыя пять чувствъ твоихъ притупляются и обманываютъ тебя, а душа есть паръ горячей крови нашей. Какъ суетна и ничтожна слава въ такомъ мірѣ!

Остается одно: спокойно ожидать пока ты угаснешь, уповая на Бога, творя добро людямъ, перенося терпѣливо ихъ недостатки, или уклоняясь отъ нихъ, и помнить что все то, что лежитъ внѣ тебя и твоей сущности, не можетъ вредить тебѣ.

27.

Тебѣ всегда будетъ хорошо, если ты будешь идти прямымъ путемъ, разумно рассуждать и справедливо дѣйствовать, что свойственно Божественному разуму и однородному съ нимъ разумѣнію въ человѣкѣ. Знай, во первыхъ, что нѣтъ такой власти, которая могла-бы сбить тебя съ разумно избраннаго пути; во вторыхъ, что высшее благо состоитъ въ справедливомъ образѣ мыслей и дѣйствій: этимъ ограничь свою дѣятельность.

28.

Не давай воли своему воображенію и мысли

свои направляй къ заботѣ о благѣ общемъ, избѣгая отвлекаться пустяками. Не будь похожъ на тѣхъ стариковъ, которые наканунѣ смерти еще забавляются бездѣлушками и заботятся о мелочахъ. Нашелъ литы когда нибудь правду и красоту посреди свѣтской безсмыслицы, гдѣ публично оплакиваютъ умершихъ и чествуютъ ихъ надгробными рѣчами. Но, вѣдь всѣ восторгаются этимъ, возразишь ты! Такъ и ты захотѣлъ быть глупцомъ,—отвѣчу я.

Постарайся же, хоть на послѣдокъ дней своихъ, именно когда ты одинокъ и оставленъ всѣми, найти для себя лучшее, быть человѣкомъ счастливымъ, знающимъ въ себѣ самомъ источникъ блага. Благо—въ разумной мысли, въ правдивомъ словѣ и въ добромъ дѣлѣ.

Г Л А В А VI.

1.

Матерія вселенной гибка и приспособляется ко всему, но изъ нея ни какъ не можетъ вылѣпиться зло, потому что Божественный разумъ—распорядитель ея—какъ источникъ добра,

не содержитъ въ себѣ зла. Отъ Него не могло произойти ничего вреднаго и ничего такого, что не было бы однородно съ его природою.

2.

Когда исполняешь свой долгъ, не смотри ни на жаръ, ни на холодъ, ни на бессонницу, ни на то, что скажутъ про тебя—худое или доброе; не бойся ни смерти, ни опасности. Вѣдь въ какомъ нибудь дѣлѣ твоей жизни непременно кроется смерть. Поэтому все дѣло только въ томъ, чтобы, пока ты живъ, исполнять свой долгъ въ настоящемъ.

3.

Лучшій способъ отомстить кому нибудь это—не поступать по примѣру обидчика.¹

4.

Ищи себѣ радости и успокоенія въ общеніи съ Богомъ непрерывными дѣлами добра.

¹ Изрѣченіе циника Діогена.

5.

Я называю духомъ или властью въ человѣкѣ то начало, которое имѣетъ самостоятельную жизнь въ самомъ себѣ и возбуждаетъ человѣка къ сознательной жизни; я называю правящею властью разумнѣе человѣка, разъясняющее ему истинный смыслъ всего того, что съ нимъ совершается.

6.

Или міръ есть нично иное, какъ бозпорядочная куча случайностей, наваленныхъ какъ попало, или въ немъ есть единство, порядокъ и все въ немъ предусмотрѣно. Если допустить первое, то можно ли желать продолжительнаго пребыванія въ грязномъ вонючемъ болотѣ. Ничего не могло-бы быть привлекательнѣе, какъ скорѣе превратиться въ землю, чего не миновать ни въ какомъ случаѣ. Если же допустить второе, то я чувствую себя бодрымъ, преисполненнымъ благоговѣнія и довѣрія къ Вседержителю.

7.

Если, обремененный неспрiятными дѣлами, ты

чувствуешь приступъ гнѣва, или возмущенія, то спѣши уйти въ самого себя и не поддавайся впечатлѣніямъ, могущимъ лишить тебя самообладанія. Чѣмъ болѣе мы упражняемся въ томъ, чтобы силою воли вернутся къ спокойному настроенію души, тѣмъ способность удерживать спокойствіе духа усиливается.

8.

Еслибъ у тебя была въ одно и тоже время мачиха и мать, то ты оказывалъ-бы почтеніе первой, но прибѣжищемъ своимъ считалъ-бы вторую. Тоже самое и для меня—дворъ и философія: туда я захожу на время, здѣсь я отдыхаю. Она же, философія, помогаетъ мнѣ переносить дворъ и меня самого сдѣлала человѣкомъ сноснымъ для моего двора.

9.

Когда ѣшь и пьешь,—поучительно думать: вотъ это трупъ рабы, а это трупъ птицы, свиньи и т. д., а это фалернское вино — сокъ, выжатый изъ винограда. При видѣ пурпуровой мантии, я говорю себѣ: вотъ шерсть животнаго, окрашенная кровью улитки. Такое воззрѣніе на вещи

напоминаетъ намъ о томъ: что онѣ такое по своей природѣ и приучаетъ насъ вникать въ ихъ сущность. Этотъ приемъ поучительно прикладывать къ жизни вообще; полезно разоблачать то, что безпрестанно представляется намъ, какъ достойная цѣль нашихъ стремленій и смотрѣть на вещи, когда съ нихъ совлеченъ наружный блескъ, придававшій имъ ложное значеніе. Призракъ наружнаго блеска—опаснѣйшій обманъ. Какъ разъ когда думаешь, что занять самымъ важнымъ и высокимъ,—оказывается, что ты поддался обману.

10.

Грубая толпа, большею частью, цѣнитъ выше всего вещество и матерію такъ, какъ она находится въ природѣ, н. п. камень, дерево, плоды, смоквы, оливки, виноградъ. Людей нѣсколько болѣе развитыхъ превлекаетъ одушевленное: они любятъ животныхъ, посвящаютъ себя скотоводству; далѣе, еще ступеню выше, мы видимъ людей, умѣющихъ цѣнить способность мыслить, но не въ высшихъ проявленіяхъ ея, а примененную къ ремеслу, искусству и промышленности. Они счастливы, когда имѣютъ много денегъ и невольниковъ. Наконецъ, нѣкоторые, всѣ-

ми способностями своей души, служатъ высшему проявленію разума, которое выражается въ сближеніи людей, какъ членовъ всемірнаго гражданскаго общества. Для таковыхъ все остальное незначительно, смыслъ жизни для нихъ въ томъ, чтобы быть въ постоянномъ единеніи съ разумѣніемъ общечеловѣческимъ и дѣятельно помогать себѣ подобнымъ.

11.

Стихійная матерія круговращается, двигаясь по извѣстному направленію; нравственная стихія — добро — тоже имѣетъ свои пути, но совершенно иные, подобные путямъ божественнымъ.

Хотя и трудно постигнуть это, однако видно ясно, какъ добро прямо движется впередъ.

12.

Что за бессмыслица! мы весьма неохотно отдаемъ заслуженную хвалу современникамъ нашимъ, а сами хотимъ непременно быть въ славу у потомковъ, которыхъ мы не знаемъ и никогда не будемъ знать. Вѣдь это точь въ точь, какъ будто-бы ты скорбѣлъ о томъ, что твоимъ

предкамъ не было ни малѣйшаго повода прославлять тебя.

13.

Не думай, если тебѣ предстоитъ даже самое трудное дѣло, что оно выше силъ человѣческихъ. Если что нибудь возможно, и по силамъ, хотябы одному человѣку, то будь увѣренъ, что и тебѣ оно доступно.

14.

Если въ фехтовальной школѣ кто нибудь поранилъ насъ, или нанесъ ударъ, то вѣдь за это мы не имѣемъ противъ него вражды, не считаемъ себя обиженными и не думаемъ ничего худаго про того человѣка. Правда, мы избѣгаемъ его, но не какъ врага, котораго опасаемся, а просто ради спокойствія, сторонимся отъ него. Такъ и въ жизни, не станемъ враждовать противъ того, съ кѣмъ случайно столкнулись, а посторонимся отъ него безъ ненависти и злобы.

15.

Если кто нибудь можетъ убѣдить меня, или

доказать мнѣ, что мой образъ дѣйствія, или мои убѣжденія не согласны съ правдой, то я охотно готовъ измѣнить ихъ. Ибо я ищу правды, той, которая никому не можетъ причинить вреда. Тотъ же, который упорствуетъ въ своемъ невѣденіи, или заблужденіи, тотъ наноситъ себѣ несомнѣнный вредъ.

16.

Передо мной моя задача и все, что мнѣ встрѣчается въ жизни мертваго, неразумнаго, сбившагося съ пути истины, не должно быть мнѣ помѣхой и сбивать меня съ моего пути.

17.

Всѣ неразумныя животныя и весь вещественный міръ отданы въ распоряженіе тебѣ, разумное сочувство, и ты, не сомнѣваясь, можешь пользоваться ими. Человѣкомъ же, одареннымъ разумомъ, какъ и ты, пользуйся ни минуты не забывая духовной связи, соединяющей тебя съ нимъ. При всякомъ дѣйствіи сердцемъ своимъ обращай къ Богу, не заботься о томъ, какъ

часто ты призываешь его,—хотя-бы не болѣе трехъ разъ.¹

18.

Смерть сравняла Александра Великаго и погонщика его муловъ, ибо съ обоими случилось одно изъ двухъ: или они оба возвратились къ единому источнику неизсякаемой творческой силы, или оба разложились на тѣже самыя составныя частицы.

19.

Попробуй сообразить какое огромное число отравленій физиологическихъ и психическихъ совершается въ человѣкѣ въ одно мгновеніе. Тогда ты не станешь изумляться тому, что въ мірѣ вмѣщаются одновременно безчисленные разнородныя, вѣрнѣе, всѣ отправленія, составляющія жизнь единаго цѣлаго, называемаго вселенной.

¹ «Трехъ разъ» не заключаетъ особаго значенія или смысла; выраженія: «три раза, три часа, три дня» употреблялись у древнихъ для обозначенія краткаго промежутка времени.

20.

Еслибъ у тебя спросили, какъ пишется слово Антонинъ? ты началъ бы его складывать по буквамъ и складамъ, а еслибъ въ это время тебѣ стали перебивать и бранить вѣдь ты бы продолжалъ спокойно складывать слово, не отвѣчая на брань. Такъ и въ жизни, каждое дѣло дѣлается мало по малу, по складамъ, и если кто мѣшаетъ тебѣ оскорбленіемъ или бранью—продолжай дѣлать свое дѣло, направляясь прямо къ цѣли.

21.

Несправедливо негодовать на людей за то, что они домогаются достигъ той цѣли, которая каждому представляется полезной. Однако ты до нѣкоторой степени впадаешь въ эту несправедливость, когда гнѣваешься на нихъ за то, что они, преслѣдуя эти цѣли, прибѣгаютъ къ предосудительнымъ средствамъ. Вѣдь при этомъ имъ все время кажется, что они имѣютъ въ виду полезное и лучшее для себя. Ты скажешь: нѣтъ, они заблуждаются, не знаютъ что истинно хорошо и полезно. Ну, такъ научи ихъ, укажи имъ истинное добро и пользу, но безъ раздраженія и негодованія.

22.

Ты неизбежно совершишь что нибудь постыдное, если плоть твоя одна будетъ продолжать оказывать свои услуги, тогда какъ духовная дѣятельность уже прекратилась.

23.

Берегись какъ бы не сдѣлаться настоящимъ Цезаремъ, во всемъ на него похожимъ. Оставайся простымъ, добрымъ, чистымъ, правдивымъ, богобоязненнымъ, справедливымъ, мужественнымъ, милосердымъ и ревнуй къ своимъ обязанностямъ. Старайся поступать во всемъ согласно съ предписаніями философіи: почитай Бога и заботься о благѣ всякаго. Жизнь коротка. Не прозѣвай самага драгоцѣннаго плода ея — добрыхъ дѣлъ ко благу людей. Слѣдуй во всемъ примѣру твоего предка Антонина. Вспомни какъ онъ твердо держался разума и повиновался ему, какъ былъ невозмутимъ и ровень, какъ свѣтелъ и радушенъ со всѣми, какъ чуждъ честолюбія и славы, какъ усердно изучалъ всякую вещь и старался усвоить ее, никогда ничего не бросалъ, не убѣдившись, что оно безусловно неисполнимо, и какъ терпѣливо пере-

носилъ отъ людей незаслуженное порицаніе, не воздавая имъ тѣмъ же.

Никогда ничего не дѣлалъ онъ поспѣшно и никогда не слушалъ клеветы, онъ составлялъ себѣ самостоятельное мнѣніе о достоинствахъ людей его окружающихъ, и потому не былъ ни подозрителенъ, ни боязливъ; онъ не угнеталъ людей и былъ съ ними довѣрчивъ. По его образу жизни можно было видѣть какъ умѣренны были его потребности: прислуга, одежда, столъ и спальня,—все было просто. Онъ былъ необыкновенно терпѣливъ, вѣренъ въ дружбѣ, переносилъ открытое противорѣчіе своимъ взглядамъ и съ благодарностью принималъ лучшіе совѣты. При томъ онъ почиталъ боговъ, не впадая въ предразсудки. И такъ, помни все это и слѣдуй его примѣрамъ, чтобы ты могъ, подобно ему, встрѣтить смерть съ спокойною совѣстью.

24.

Опомнись, приди въ себя и смотри на печали дѣйствительной жизни, какъ на тревожныя сновидѣнія ночи, которыя пропадаютъ утромъ, когда ты просыпаешься.

25.

Я состою изъ духа и тѣла. Для тѣла все без-

различно, ибо матерія лишена способности различать, что-бы то ни было. Для духа же все то, что не есть плодъ его собственной дѣятельности, тоже безразлично, ибо жизнь духа самостоятельна. Но ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ дѣятельность эта не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Вся ея важность сосредоточена въ настоящемъ.

26.

Неужели можно назвать радостными ощущенія прелюбодѣя, разбойника, убійцы, или тирана.

27.

Ни одинъ художникъ, принаравливаясь въ своей работѣ, до извѣстной степени, ко вкусу и требованіямъ публики, ни сколько однако не отступаетъ отъ основныхъ правилъ своего искусства. Непостижимо, почему же архитекторъ и врачъ старательно соблюдаютъ законы своего искусства, а человекъ не соблюдаетъ закона своей жизни, который есть связь его съ Богомъ.

28.

Кто видитъ какъ жизнь проходитъ въ его вре-

мя, тотъ видѣлъ все, что было отъ начала и будетъ до конца вѣковъ. Ибо, въ сущности, природа и человѣкъ съ его стремленіями все тѣже.

29.

Старайся тѣсно сродниться съ тѣми условіями, въ которыя поставлена жизнь твоя и люби людей,—всякаго съ кѣмъ ты вступаешь въ сношеніе.

30.

Покуда ты не поймешь, что хорошее и дурное не составляетъ принадлежности наружныхъ вещей, которыя сами по себѣ ни худы, ни хороши, но что хорошее и дурное есть только отношеніе твое къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, или предметамъ, ты всегда будешь въ несчастіяхъ, или неудачахъ обвинять Бога и ненавидѣть людей, какъ предполагаемыхъ виновниковъ твоихъ несчастій. Это самое есть начало всей людской неправды. Когда-же ты убѣдишься, что хорошее и дурное опредѣляется для всякаго свободой выбора того, что каждый признаетъ для себя хорошимъ или дурнымъ, то из-

чезнетъ всякій поводъ обвинять Бога и враждовать противъ людей.

31.

Всѣ мы трудимся надъ завершеиіемъ одного и того-же дѣла. Одни сознательно и разумно, другіе безсознательно. Даже погруженныхъ въ сонъ невѣжества Гераклитъ,¹ кажется, называетъ работниками, сотрудиниками въ общемъ ходѣ событій. Но всякій содѣйствуетъ по своему; даже порицатель, или критикъ, мечтающій воспротивиться событіямъ и смотрящій на совершившіеся факты, какъ будто ихъ не бывало, и тотъ имѣетъ свое призваніе. Ты долженъ дать себѣ отчетъ, къ какому разряду работниковъ ты хочешь самъ принадлежать. Всемогущій уже съумѣетъ найти тебѣ подобающее назначеніе и приметъ тебя въ число своихъ помощниковъ. Ты же заботься о томъ, чтобы не уподобится плохому стиху, который портитъ все стихотвореніе.

32.

Если боги обсуждаютъ не только судьбу все-

¹ Философъ Гераклитъ одинъ изъ первыхъ провозгласилъ гармонію и единство всего ссзвореннаго.

го міра, но и мою, то рѣшенія ихъ несомнѣнно клонятся къ моему благу. Неразумныхъ боговъ трудно даже себѣ представить. Далѣе, у нихъ нѣтъ основанія мнѣ вредить, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго смысла ни для нихъ, ни для общаго блага, коего они охранители. Если же ихъ заботы и не касаются меня лично, то навѣрно имѣютъ въ виду общее міровое благо, а гдѣ всеобщее благо, тамъ и мое. Слѣдовательно, я, во всякомъ случаѣ, могу привѣтствовать свою судьбу съ довѣріемъ и любовью. Но положимъ что боги не заботятся ни о чемъ,—чего мы не имѣемъ права предполагать, ибо приносимъ имъ жертвы, молимся и клянемся имъ, въ увѣренности, что они слышатъ насъ; но положимъ, что они не заботятся о моей личной судьбѣ, то вѣдь мнѣ самому никто не препятствуетъ озаботиться ею. На то у меня есть разумъ, чтобъ я зналъ, что для меня полезно; полезно же для меня то, чего требуетъ самая сущность моей природы, а сущность эта—разумъ, призывающій меня къ мирному общенію со всѣми людьми. Какъ Маркъ Аврелій Антонинъ, я признаю своимъ роднымъ городомъ Римъ, какъ человѣкъ—весь свѣтъ. Значитъ Антонину полезно все то, что полезно всѣмъ людямъ. Все что случается съ отдѣльнымъ человѣкомъ—въ связи съ поль-

зою общюю. Если всмотрѣться глубже и стараться понять смыслъ того, что приключается съ людьми, окажется, что все для нихъ добро и польза, ибо все исправляетъ, улучшаетъ ихъ, приспособляетъ къ общенію съ людьми, то есть къ всемірной гражданственности.

33.

То чувство, которое тобой овладѣваетъ въ амфитеатрѣ, или другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ твоимъ глазамъ представляется вѣчно тоже самое зрѣлище, до отвращенія, — это самое чувство подавляетъ тебя въ жизни. Ибо все, что совершается, откуда бы оно не шло, все вѣчно одно и тоже. Вопросъ только въ томъ, долго-ли это будетъ продолжаться. Одно только въ жизни драгоцѣнно: хранить правду и поступать по справедливости; безпрестанно сталкиваясь съ людскою ложью и несправедливостью, — не устать самому быть кроткимъ.

34.

Если хочешь имѣть безмятежную радость, то призови на память добродѣтельныхъ людей, твоихъ современниковъ. Припомни силу и энергію

одного, скромность другаго, щедрость третьяго и т. д. Нѣтъ ничего подкрѣпительнѣе, какъ память о добродѣтеляхъ, вошедшихъ въ нравы тѣхъ людей, съ которыми мы живемъ. Надо имѣть ее постоянно передъ глазами.

35.

Развѣ тебя можетъ огорчать, что ты вѣсишь, на примѣръ, 99 фунтовъ, а не 100. Не огорчайся же и тѣмъ, что тебѣ можетъ быть осталось не долго жить. Ибо, какъ никому изъ насъ не придется въ голову роптать на свой вѣсъ, такъ каждый изъ насъ долженъ быть доволенъ отмѣреннымъ ему временемъ жизни.

36.

Пытайся вліять на людей убѣжденіемъ. Если они не внемлютъ, не грѣши самъ противъ закона справедливости. Если же тебѣ хотятъ силою помѣшать поступать по справедливости, то воспользуйся этой угрозой, чтобы оказать на дѣлѣ примѣръ кротости и спокойствія. Ибо не всякое стремленіе твое можетъ быть безусловно достигнуто. Встрѣчая препятствія, не мечтай преслѣдовать невозможнаго; умѣрь себя, вотъ это

въ твоей власти. Достоянія же своего, какъ чело-
вѣкъ, ты можешь всегда несомнѣнно достиг-
нуть.

37.

Счастье честолюбца всегда въ зависимости отъ
другихъ людей; сластолюбецъ мечтаетъ найти
его, предаваясь чувственности; разумный чело-
вѣкъ достигаетъ истиннаго блага своими дѣлами.

38.

Для тебя необязательно сужденіе о всякой на-
ружной вещи, смущающей твою душу, ибо
внѣшніе предметы не обладаютъ свойствомъ при-
нуждать тебя къ сужденію о нихъ.

39.

Привыкай слушать какъ можно внимательнѣе
то, что тебѣ говорятъ и старайся вполнѣ ус-
воить себѣ мысль того, кто говоритъ съ тобой.

40.

Кто болѣнъ желчью, тому горекъ медъ, уку-

шенный бѣшеной собакой боится воды; если въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, то можешь ли ты удивляться тому, что заблужденіе также разрушительно дѣйствуетъ на душу, какъ желчь или ядовитая слюна на организмъ.

41.

Никто не можетъ воспрепятствовать тебѣ слѣдовать закону твоей истинной общечеловѣческой природы. Въ тѣхъ же поступкахъ твоихъ, которые будутъ въ противорѣчїи съ закономъ этой природы, ты всегда потерпишь неудачу.

Г Л А В А VII.

1.

Правила, которыми ты руководишься въ жизни, не утратятъ своего значенія для тебя, покуда не поколеблены тѣ основы, изъ которыхъ развилось твое міросозерцаніе. Если эта основа истинна, ты можешь оградить себя отъ колебаній неутомимою дѣятельностью разума, который свободенъ и самостоятеленъ въ своихъ

отправленіяхъ. Берегись только, чтобы видше-нее не омрачило его. Если же твоя основа уже поколеблена, спѣши обновить ее; обратись къ источнику истины,—къ разумѣнію, въ немъ найдешь обновленіе жизни.

2.

Жизнь ничто иное, какъ погоня за почестями и за наслажденіями, подмости, по которымъ проходитъ пестрая толпа; она подобна турниру, или стаѣ собакъ, которыя грызутся изъ за кости,—рыбамъ въ прудѣ, хватающимъ крошки хлѣба, муравейнику, рою найзоливыхъ мухъ или кукольной комедіи. Держаться безмятежно посреди этой свалки, умѣя разсмотрѣть въ ней проявленіе добра,—вотъ задача человѣка.

3.

Въ рѣчи важно значеніе словъ; въ поступкѣ важна побудительная причина его. Тамъ весь вопросъ въ правильномъ употребленіи выраженій,—здѣсь въ томъ, какая преслѣдуется цѣль.

4.

Не стыдись нуждаться въ помощи, но преж-

де самъ напряги всѣ свои силы, какъ воинъ, который при штурмѣ крѣпости, не пожалѣвъ себя, получилъ увѣчье и не можетъ войти въ крѣпость безъ посторонней помощи.

5.

Не слушай тѣхъ, кто пророчить тебѣ худое въ будущемъ. Въ свое время ты спокойно достигнешь и будущихъ цѣлей, если привыкъ сосредоточивать всѣ свои способности на достиженіи одной предстоящей цѣли.

6.

Вселенная есть выраженіе Сущаго, живаго Бога. Единая матерія подчинена единому закону и во всѣхъ разумныхъ существахъ единый разумъ. Правда едина, а для существъ однородныхъ понятіе о совершенствѣ тоже едино.

7.

Для существа разумнаго разумный образъ дѣйствія совпадаетъ съ законами природы.

8.

Разумныя существа, призванныя трудиться

вмѣстѣ за одной и той же работой, исполняютъ въ общемъ міровомъ организмѣ то назначеніе, которому служатъ члены въ организмѣ чело-вѣка. Они сотворены для разумнаго единодѣйствія. Въ сознаніи, что ты членъ великаго духовнаго единства, есть что то ободряющее и утѣшительное. Если же ты считаешь себя отдѣльною частью разобщенной съ цѣлымъ, то это доказываетъ, что твое сердце еще не переполнено любовью къ людямъ, что добро не приноситъ тебѣ награды въ самомъ себѣ и что ты дѣлаешь добро какъ долгъ, а не какъ высшее благо для самого себя.

9.

Плоть моя подвержена всякимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ и страданіямъ; пускай же плоть и жалуется, если ей нанесенъ вредъ. Но, покуда разумомъ своимъ я не признаю за вредъ то, что приключилось съ плотью, сущность моя пребываетъ невредима. Для меня нѣтъ вреда, покуда въ разумѣ нѣтъ представленія о вредѣ, а разумъ свободенъ въ своихъ представленіяхъ.

10.

Добродѣтель въ челоуѣкѣ должна имѣть свой-

ство драгоценнаго камня, который неизмѣнно сохраняетъ свою природную красоту, что-бы съ нимъ не приключилось.

11.

Человѣкъ счастливъ разумѣніемъ и добромъ. Все несчастье его въ обманѣ и въ призракахъ воображенія. Отойди отъ меня, я отрекаюсь отъ тебя, какъ отъ непотребной застарѣлой привычки. Безъ гнѣва, но и безвозвратно изгоняю тебя.

12.

Неужели тебя страшитъ переменна; вѣдь ничто на свѣтѣ не дѣлается безъ перемены. Самая сущность всеобщей природы есть переменна. Нельзя согрѣть воды безъ того, чтобы не совершилось превращеніе съ дровами; питаніе невозможно безъ измѣненія пищи. Весь необходимый міровой процессъ есть ничто иное, какъ переменна. Пойми, что ожидающее тебя превращеніе имѣетъ точно тотъ же смыслъ, что оно также необходимо по самой природѣ вещей. Всѣ тѣла проходятъ черезъ міровую матерію, какъ черезъ потокъ, они однородны съ ней, вы-

дѣляются ею и опять сливаются съ ней. Сколькихъ Хризипповъ¹ она поглотила, сколькихъ Сократовъ, Эпиктетовъ... та же участь ожидаетъ и тѣло всякаго человѣка. Надо заботиться объ одномъ, какъ бы не сдѣлать чего нибудь противнаго истинной природѣ человѣческой, поступать во всемъ какъ и когда она укажетъ.

13.

Все въ короткое время изглаживается изъ памяти человѣка, также скоро пропадаетъ и память о немъ самомъ.

14.

Отличительное свойство человѣка есть способность любить и тѣхъ кто враждуетъ противъ него. Эта любовь пробуждается въ немъ разумніемъ: что люди братья, что они грѣшатъ противъ воли, что обидчика и потерпѣвшаго ожидаетъ тотъ же конецъ, а главное, что обида не можетъ повредить человѣку, ибо только онъ самъ можетъ повредить душѣ своей.

¹ Хризиппъ основатель второй стоической школы.

15.

Природа лѣпитъ существа изъ одного и того-же куска вещества, какъ изъ воска. Вотъ вышла лошадь, за тѣмъ, когда она сгниетъ, изъ нея выйдетъ дерево, а потомъ человѣкъ, или какая либо другая тварь, на самое короткое время: да и не все-ли равно ящику или футляру, что его сколотятъ или разберутъ.

16.

Гнѣвъ глубоко измѣняетъ выраженіе лица человѣка; природныя черты его искажаются какъ бы въ предсмертныхъ судорогахъ, ибо гнѣвъ противенъ природѣ и разуму; гнѣвъ лишаетъ человѣка сознанія, помрачаетъ его совѣсть, а человѣкъ, утратившій совѣсть, уже не живетъ жизнью существа разумнаго.

17.

Если кто нибудь оскорбилъ тебя, то тебѣ надо тотчасъ отдать себѣ отчетъ, каковы были побужденія обидчика, каковы его понятія о томъ, что хорошо и что дурно.

Какъ только ты изслѣдуешь это, вмѣсто не-

годованія или гнѣва, почувствуешь участіе. Ибо или ты увидишь, что понятія ваши о хорошемъ и дурномъ сходны и что ты поступилъ бы на его мѣстѣ точно также и тогда ты оправдаешь его, или ты увидишь, что ваши взгляды не сходны и тогда тебѣ не трудно будетъ имѣть снисхожденіе къ слѣпому.

18.

Думай чаще о томъ, что тебѣ дано, чѣмъ о томъ чего ты лишенъ. Когда же ты поймешь въ чемъ заключается наилучшее для тебя, то долженъ уяснить себѣ какимъ образомъ достигнуть обладанія этого наилучшаго. Если ты имѣешь избытокъ благъ, то старайся не такъ сильно дорожить ими, чтобы потеря этихъ благъ могла нарушить внутренній міръ твой.

19.

Сосредоточивайся чаще внутри себя, въ разумѣніи своемъ, эта верховная власть въ чловѣкѣ обладаетъ свойствомъ почерпать въ себѣ самой спокойствіе и удовлетвореніе дѣлами справедливости и добра.

20.

Развяжись съ призраками воображенія, положи предѣлъ страстямъ своимъ. Будь хозяиномъ настоящей минуты. Пойми смыслъ того, что происходитъ съ тобой и съ другими. Въ каждой вещи умѣй различить причину отъ внѣшней оболочки. Не забывай послѣдняго часа и всякій встрѣтившійся тебѣ проступокъ оставь на томъ мѣстѣ, на которомъ засталъ его.

21.

Все совершается въ мірѣ по извѣстному закону; исходитъ ли таковой отъ Бога, или онъ есть простое движеніе атомовъ — все равно, — главное, что все подчинено неизмѣнному закону.

22.

Если страданіе невыносимо, оно причиняетъ смерть, если продолжительно—то его можно вынести, да при томъ бодро и съ полнымъ спокойствіемъ, если сосредоточиться въ жизни духа своего, который не подлежитъ страданію; тѣ-же части тѣла, которыя страдаютъ, пусть сами жаждутся на боль, какъ умѣютъ,

23.

Платонъ спрашиваетъ: можетъ ли почитать человѣческую жизнь чѣмъ то великимъ тотъ, кому данъ свѣтлый разумъ, кто распозналъ, что такое въ сущности все внѣшнее и знаетъ цѣну временнаго? Нѣтъ не можетъ, отвѣчаетъ онъ, а, слѣдовательно, не можетъ считать и смерть чѣмъ то страшнымъ.

24.

Антистенъ¹ сказалъ: „выше всего то, когда тебя осуждаютъ за доброе дѣло“.

25.

Позорно когда душа имѣетъ власть лишь надъ внѣшнею личиною человѣка и, не напрягая духовныхъ силъ къ самоисправленію, измѣняетъ только наружныя черты лица.

26.

Со мной всегда моя собственность: добро и

¹ Діогенъ Лаэртскій говоритъ, что Антистенъ, философъ циникъ, отвѣчалъ этимъ изрѣченіемъ Платону, который дурно отзывался объ немъ.

справедливость, которыхъ никто не можетъ отнять у меня.

27.

Вглядывайся въ звѣздное небо и слѣди за звѣздами, какъ будто ты съ ними путешествуешь. Такое созерцаніе очищаетъ душу отъ грязи житейской.

28.

Прекрасно изрѣченіе Платона: чтобы вѣрно судить о дѣлахъ человѣческихъ, надо стать выше земнаго и съ этой высоты обозрѣвать, что происходитъ.

29.

Такая дѣятельность, которая опредѣляется закономъ Божескимъ и обще-человѣческимъ, не подвержена никакимъ превратностямъ. Тебѣ нечего опасаться, если ты избралъ для нея такую цѣль, которая соразмѣрна твоимъ способностямъ.

30.

Отъ тебя зависитъ во всякое время сдѣлать

свою настоящую судьбу счастливой: поступай только по правдѣ и по справедливости со всякимъ, съ кѣмъ ты сейчасъ находишься въ близкихъ сношеніяхъ, и всякую мысль свою обдумывай зрѣло, не обольщая себя призраками и обманами.

31.

Никогда не сбивайся съ пути, который указываетъ тебѣ твоя личная природа въ согласіи съ общей природой: первая опредѣляетъ твое призваніе, вторая должна направлять твою дѣятельность къ достиженію призванія.

32.

Живи такъ, какъ будто ты сейчасъ долженъ проститься съ жизнью, какъ будто время, оставленное тебѣ, есть неожиданный подарокъ.

33.

Въ тяжелыя минуты испытаній вспоминай какъ жалки были тѣ люди, которые при такихъ же обстоятельствахъ выказали себя неразумными, стронтивными и проклинали свою судьбу.

Можешь ли ты желать уподобляться имъ, не обратишь-ли, напротивъ, все свое вниманіе на то, чтобы опытъ жизни не пропалъ даромъ, — отъ тебя зависитъ перенести испытаніе стойко и разумно. Въ дѣйствіяхъ же, зависящихъ отъ твоей воли, соблюдай одно: поступать по правдѣ, ибо для человѣка нѣтъ ничего въ жизни важнаго, кромѣ поступковъ его.

34.

Всмотрись внутрь себя, тамъ въ глубинѣ есть источникъ добра, который никогда не изсякнетъ, если ты самъ не перестанешь раскапывать его.

35.

Въ жизни нужно такое же искусство и такая же опытность, какъ на игрищахъ, гдѣ требуется быть постоянно на готовѣ встрѣтить внезапное, непредвидѣнное нападеніе.

36.

Еслибъ ты вѣдалъ изъ какого источника текутъ людскія сужденія и интересы, то пересталъ бы домогаться одобренія и похвалы людей.

37.

Платонъ говоритъ, что душа человѣческая противъ воли¹ отвращается отъ правды, умѣренности, справедливости и добра; чѣмъ яснѣе это уразумѣешь, тѣмъ кротче отнесешься къ людямъ.

38.

Онъ же говоритъ Аѳинянамъ: всякій чело-вѣкъ, который возложилъ на себя отвѣтственность по своему выбору, или по указанію старшаго, долженъ нести ее твердо, не смотря ни на смерть, ни на угрозу и ни на что въ мірѣ, кромѣ чести.

39.

Обдумай-ка зрѣло и пойми какая разница между разумною жизнью и умѣньемъ успѣшно устраивать свои дѣла. Смотри, не долженъ ли чело-вѣкъ, сознающій истинное происхожденіе

¹ Эта мысль повторяется у Платона: „противъ воли“ т. е. когда чело-вѣку затѣмили понятіе о добрѣ и злѣ, выдавая ему зло за добро, вслѣдствіе чего, привыкнувъ смѣшивать одно съ другимъ, онъ по неволѣ отвращается отъ правды и т. д.

свое, пренебречь заботою о житейскомъ и о томъ, долго ли онъ проживетъ, полагаясь въ этомъ на волю Бога, и сосредоточить весь свой разумъ на томъ, какъ достойнѣйшимъ образомъ воспользоваться, принадлежащей ему, настоящей минутой.

40.

Физическая боль не имѣетъ свойства вредить человѣку, т. е. не можетъ нравственно унижить тебя. Разумъ, управляющій тобою, недоступенъ боли. Боль невластна вредить разуму, затмѣвать внутреннее сознание и мѣшать служенію общему благу. Въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ ты можешь, пользуясь изрѣченіемъ Эпикура, сказать себѣ: я могу снести эту боль, она безконечна, всякая боль имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ она уменьшается и, наконецъ, можешь вспомнить, что боль есть, прежде всего, твое представленіе о боли и что, слѣдовательно, въ твоей власти не дать ей усиливаться. Не забывай, что есть много ощущеній скрытыхъ, которыя раздражаютъ незамѣтно, н. п. когда тебя одолеваетъ сонъ, мучаетъ жаръ, или отвращеніе къ чему либо. Если ты поддался раздраженію и потерялъ самообладаніе, тог-

да и только тогда скажи себѣ: вотъ тецерь я нанесъ себѣ вредъ и побѣжденъ страданіемъ.

41.

Если съ людьми злыми и безчеловѣчными не будешь кротокъ, а жестокъ и безчеловѣченъ, то берегись какъ бы не сдѣлаться такимъ-же какъ они.

42.

По какимъ признакамъ можно узнать была ли душа Телавгеса¹ выше души Сократа. Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ недостаточно знать, что Сократъ умеръ спокойнѣе Телавгеса, а при жизни искуснѣе опровергалъ софистовъ, терпѣливѣе выносилъ холодныя ночи въ лагерѣ безъ сна, что великодушно отказался задержать Саламинскаго гражданина² или то, что онъ отличался предъ другими своими публичными бесѣдами на площади,—важнѣе всего знать какова была въ сущности душа его; способенъ ли онъ

¹ Телавгесъ сынъ Пифагора, котораго Маркъ Аврелій въ числѣ другихъ избралъ образцомъ своимъ.

² Леонъ былъ Саламинскій гражданинъ и Сократъ, отказомъ задержать его, подвергаясь смертному приговору. Его спасло лишь скорое низверженіе Правленія „тридцати тирановъ“.

былъ находить высшее счастье для себя въ справедливости къ людямъ и въ любви къ Богу, умѣлъ ли сдерживать свое негодование къ пороку и не потворствовалъ ли невѣжеству, умѣлъ ли покоряться безропотно своей судьбѣ и не заставлялъ ли иногда разумъ свой служить страстямъ своимъ.

43.

Природа не такъ плотно замѣсила тебя въ общее со всѣми людьми тѣсто, чтобы ты не могъ выдѣлиться и придти къ сознанию свободной своей сущности. Ты можешь самъ, не зависимо отъ другихъ и ни къмъ невѣдомый, пробудить въ себѣ Божественное начало, не подвизаясь въ наукахъ и искусствахъ; помни что для счастья нужно весьма мало. Никто на свѣтѣ не можетъ помѣшать тебѣ сдѣлаться человекомъ свободнымъ, честнымъ, помогающимъ ближнему и признающимъ надъ собою власть Бога.

44.

Всемогущій Богъ неутомимо въ продолженіи столькихъ вѣковъ терпитъ неправду безчислен-

ныхъ послушниковъ Его воли, а ты дерзаешь поддаваться нетерпѣнію, ты, который самъ изъ числа послушниковъ!

45.

Странно! человекъ возмущается зломъ, исходящимъ извнѣ, отъ другихъ, тѣмъ, чего устранить не можетъ, а не борется съ своимъ личнымъ собственнымъ зломъ, что въ его власти.

46.

Когда ты сдѣлалъ кому нибудь добро и это добро принесло плодъ, зачѣмъ ты, какъ безразсудный, домогаешься еще похвалы и награды за свое доброе дѣло.

47.

Никто никогда не уставалъ доставлять себѣ всевозможныя блага. Но вѣдь величайшее благо, которое человекъ можетъ себѣ доставить, это дѣйствовать сообразно съ закономъ природы, а законъ этотъ велитъ тебѣ, не уставая, дѣлать добро другимъ, какъ высшее благо для самого себя.

48.

Всемирный Разумъ мудро и предусмотрительно устроилъ свѣтъ. Поэтому, или все само сабою держится и будетъ держаться этимъ первоначальнымъ устройствомъ, или Божественный Разумъ не перестаетъ и теперь особенно заботиться объ избранникахъ своихъ,—существахъ разумныхъ.

Во всякомъ случаѣ это размышленіе утвердитъ тебя въ ненарушимомъ спокойствіи¹.

Г Л А В А VIII.

1.

Если твое самолюбіе страдаетъ при воспоминаніи о томъ, что въ былое время ты пренебрегалъ философіей, не жилъ по философски и едва ли стяжаешь себѣ славу философа, то не тужи объ этомъ. Если эта статья не попадетъ въ твой формуляръ, —тѣмъ лучше. Будь доволенъ, если

¹ Сохраненіе ненарушимаго внутренняго спокойствія духа, какъ необходимое условіе постоянной и здоровой работы разума, вотъ красный камень стоицизма.

можешь, теперь, сейчасъ начать жить такъ, какъ того требуетъ истинная природа твоя. Поэтому вникай,—чего она требуетъ и пусть ничто не отвлекаетъ тебя отъ исполненія ея требованій. Сколько ты всего перепробовалъ: бросался туда, сюда и нигдѣ не нашелъ блага и счастья, ни въ спекуляціяхъ, ни въ богатствѣ, ни въ почестяхъ, ни въ чувственности,—нигдѣ. Въ чемъ же оно въ самомъ дѣлѣ? Только въ томъ, чтобы дѣлать то, чего жаждетъ истинная природа твоя. Какъ же достигнуть этого? Сознаніемъ той основной истины, что для человѣка не можетъ быть хорошо все то, что противно свободѣ, справедливости, умѣренности, постоянству и что не можетъ быть дурно все то, что нарушаетъ этихъ понятій.

2.

Не начинай никакого дѣла не спросивши себя: чего именно я хочу достигнуть, не буду-ли я сожалѣть о своемъ поступкѣ? Пройдетъ не много времени и я умру, все исчезнетъ для меня. Не стоитъ заботиться ни о чемъ больше, какъ о томъ, хорошее ли дѣло я предпринимаю въ настоящую минуту, достойно ли оно разумаго су-

щества, созданнаго чтобы жить по закону Бога въ мирномъ общеніи съ людьми?

3.

Если сравнивать Александра, Цезаря и Помпея съ Діогеномъ, Гераклитомъ и Сократомъ, какъ не выгодно это сравненіе для первыхъ. Всѣ три философа спокойно доискивались первоначальныхъ причинъ и самой природы вещей, добровольно покоряясь лишь свободно-избраннымъ основамъ жизни своей. Въ жизни трехъ полководцевъ, напротивъ, какая зависимость отъ внѣшнихъ вещей и какая безконечная тревога!

4.

Негодованіемъ и гнѣвомъ нельзя улучшить людей; дѣла ихъ будутъ все тѣже, хоть ты лопни¹.

5.

Во первыхъ, не смущайся въ сердцѣ своемъ, ибо все совершается по законамъ общимъ для всей вселенной и въ короткое время ты исчез-

¹ Это выраженіе ближе всего передаетъ смыслъ греческаго слова.

нешь безслѣдно, какъ Адрианъ и Августъ; потомъ гляди трезво на всякое предстоящее дѣло и ясно пойми его, а главное, ни на минуту, не забывай, что ты долженъ во всемъ поступать по правдѣ. Прислушивайся—чего хочетъ истинная природа твоя и неуклонно исполняй ея требованія. Слова твои пусть служатъ всегда выраженіемъ истины; но помни, что слово истины неразлучно съ кротостью, простотою и искренностью на дѣлѣ.

6.

Если ты уже не можешь читать, то всегда можешь бороться противъ гнѣва и высокомерія, противъ порывовъ чувственности и отчаянія, можешь не разжигать себя честолюбіемъ, можешь приучать себя не только терпѣливо переносить людей, воздающихъ тебѣ неблагодарностью за благодѣянія твои, но, продолжая благодѣтельствовать имъ, наконецъ смягчить сердца ихъ. И такъ, брось привычку осуждать придворную жизнь и не слушай себя впередъ, когда начнешь жаловаться.

7.

Раскаяніе есть ничто иное какъ упрекъ, ко-

торый человекъ дѣлаетъ самому себѣ за то, что не съумѣлъ воспользоваться какимъ нибудь благомъ; но вѣдь для человека настоящее благо это добро; поэтому человекъ разумный можетъ сожалѣть только объ упущенномъ добрѣ; разумный человекъ никогда не можетъ раскаиваться въ томъ, что упустилъ случай веселиться, ибо веселье и не добро и не въ пользу человеку, а истинное добро всегда подъ рукою.

8.

Когда вступаешь съ гѣмъ нибудь въ преніе, не забывай имѣть въ виду каковы его понятія о добрѣ и злѣ. Вспомнивъ, что этотъ человекъ почитаетъ благомъ и бѣдствіемъ, доблестью и безчестіемъ, что онъ считаетъ жизнью и что смертию, ты не станешь удивляться или возмущаться рѣчами и поступками этого человека, ты поймешь, что онъ говоритъ и дѣлаетъ то самое, во что онъ вѣритъ.

9.

Измѣнить свое мнѣніе и согласиться съ тѣмъ, кто исправилъ нашу ошибку, не значитъ отказаться отъ самостоятельности. Вѣдь и согла-

сился ты по собственному побужденію, самъ разсудилъ, что тебѣ надо согласиться; перемѣна въ убѣжденіи все же плодъ дѣятельности твоего собственнаго разума.

10.

Какъ безразсудно было бы не одобрять смоковницу за то, что она носитъ смоввы, такъ и странно негодовать на мірское за то, что оно приноситъ плоды свои. Врачъ или кормчій не гнѣваются на лихорадку или на противный вѣтеръ.

11.

Въ поступкахъ, зависящихъ отъ твоей воли, ты всегда имѣешь выборъ между добромъ и зломъ, если же зло исходитъ отъ другаго, то разсуди кого тебѣ обвинять: соринку или Бога; безразсудно обвинять то, или другое, т. е. слѣпую матерію или Высшую Премудрость. По этому никого не вини, а, если можешь, исправь виноватаго, или самое дѣло; если не можешь сдѣлать ни того, ни другаго, то воздержись отъ бесполезнаго гнѣва, ибо прежде всего не надо дѣйствовать неразумно.

12.

Все то, что видоизмѣняется смертию, не извергается вонъ изъ свѣта. Все остается въ немъ, разлагаясь на свои составныя части, изъ которыхъ созданъ и ты и весь свѣтъ. Эти первоначальныя стихіи сами безпрестанно терпятъ превращенія и не ропщутъ.

13.

Все въ мірѣ имѣетъ свою причину и свое назначеніе: лошадь, виноградная лоза, солнце и все существующее. А ты, какое твое назначеніе? Не думаешь ли ты, что жизнь тебѣ дана для собственной забавы? Обратись за разрѣшеніемъ этого вопроса къ разуму, каковъ будетъ его приговоръ.

14.

Все вещественное, возникающее въ природѣ, само по себѣ ни дурно, ни хорошо,—ни добро, ни зло; начало, продолженіе и конецъ вещей подобно мячу, взброшенному на воздухъ. Хорошо-ли мячу летѣть вверхъ, или дурно снова упасть на землю? Есть ли это благодѣяніе для

пузыря, когда онъ вскочить на водѣ? и жалко ли ему, лопаясь, исчезнуть съ ея поверхности; а лампа,—не все ли ей равно, что ея зажгутъ, или погасятъ? Такъ и въ жизни: старость, болѣзнь, любовь—ни добро, ни зло.

15.

Вывороти, мысленно, свое тѣло на изнанку и представь себѣ видъ его, когда оно потертое и худое отъ старости передрыгъ и болѣзней, покинуто духомъ, оживлявшимъ его.

16.

Обращай вниманіе на трудныя обстоятельства твоей жизни; въ сущности ты заслужилъ ихъ: онѣ же и приводятъ тебя къ немедленной оцѣнкѣ твоихъ словъ и дѣйствій, заставляютъ тебя одуматься, сдѣлать теперь, сейчасъ, то, что ты всю жизнь откладывалъ бы до завтра.

17.

Во всемъ, что человѣкъ самъ предпринимаетъ для своихъ расчетовъ, онъ привыкаетъ пола-

гаться на свой умъ, однѣ только превратности въ его жизни заставляютъ его обращаться къ Богу, какъ къ общему источнику всего того, что уму его непостижимо.

18.

Когда ты моешься въ ваннѣ тебѣ отвратительно видѣть масло, грязь, клейкую воду, слышать запахъ пота; тоже и въ жизни,—таковы отдѣльныя части ея взятыя порознь.

19.

Человѣкъ по своей природѣ поставленъ въ тройкое отношеніе: по плоти — къ началу матеріи, по духу — къ источнику жизни, изъ котораго исходитъ все живое, и, наконецъ, какъ человѣкъ, къ каждому существу себѣ подобному.

20.

Истинную радость свою человѣкъ почерпаетъ въ такихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ выражается отличительное свойство его, какъ существа разумнаго; на примѣръ: въ побѣдѣ надъ

душевными тревогами, нарушающими внутренній міръ, въ краткихъ отношеніяхъ къ ближнему, въ ясномъ пониманіи того, чему вѣрить, чему не вѣрить и, наконецъ, въ исканіи смысла и законовъ безконечныхъ явленій внѣшняго міра.

21.

Если страданіе есть зло, то для какой-же части твоего существа? Если для тѣла, то пусть оно и жалуется, если для духа, то ему дана власть сдержать порывъ волненія, причиненный болью или страданіемъ. Въ разумную сущность твою не можетъ вторгаться никакая боль.

22.

Обуздывай воображеніе и при всякомъ случаѣ говори себѣ: въ настоящую минуту въ моей власти удержаться отъ похоти и злобы и взглянуть на каждую вещь, или дѣло, трезво и разумно. Не оставляй втунѣ этой прирожденной тебѣ силы.

23.

Говоришь ли ты при публикѣ, или съ кѣмъ

бы то ни было, одинъ на одинъ, говори мягко, ровно, не возвышай голоса, не кричи; пусть смыслъ твоихъ рѣчей будетъ здоровъ и умѣренъ.

24.

Не сдерживай своей радости, когда отдаешь свое, и не предавайся ей, когда что получаешь.

25.

Если тебѣ когда нибудь придется увидеть ногу, руку или голову, отрубленную отъ туловища,—вспомни, что это вѣрное подобіе людей, недовольныхъ своей судьбой или такихъ, коихъ дѣятельность исключительно направлена къ личной своей выгодѣ; такъ не рѣдко поступаешь и ты въ своей жизни, но ты обладаешь свободой, снова, примкнуть къ единому цѣлому, отъ котораго ты оторвался. Не всѣмъ тварямъ дана Богомъ власть возобновлять связь съ цѣлымъ разъ порвавши ее,—то принадлежность существа разумнаго. Ему не только прирождена способность къ общей жизни, но и возможность, уклонившись отъ нея, снова возвратиться къ ней и занять прежнее мѣсто въ общемъ цѣломъ.

26.

Какъ природа имѣетъ свойство переработывать всякое постороннее, претящее ея единству вещество, и превращать его въ однородную себѣ матерію, такъ и разумное существо можетъ переработать въ свою пользу всякое нравственное препятствіе, заставляя его способствовать ему къ достиженію благихъ стремленій.

27.

Не смущай себя зараннѣе пустыми помыслами о всякихъ бѣдствіяхъ, будто бы ожидающихъ тебя въ жизни; позаботься только объ обстоятельствахъ, наступающихъ въ данную минуту. Тогда ты спокойно скажешь себѣ: въ этомъ нѣтъ ничего невыносимаго; тебѣ стыдно будетъ предаваться малодушію. Надлежитъ заботиться только о настоящемъ, ибо въ немъ вся забота, а не въ прошедшемъ или будущемъ. Облегчить бремя настоящаго можно однимъ способомъ,—нести его такъ, какъ оно есть, недобавляя его тяжесть призраками своего воображенія и вразумить себя не отказываться отъ своей ноши.

28.

Я никогда не встрѣчалъ въ разумномъ существѣ такой добродѣтели, которая бы шла въ разрѣзъ съ справедливостью; а такую добродѣтель, которая совершенно противоположна страстямъ, я вижу въ самообладаніи.

29.

Если бы ты никогда не терялъ самообладанія и сохранялъ бы силу духа въ испытаніяхъ, ты былъ бы въ безопасности; ты, то есть, разумѣніе твое. Но ты возразишь мнѣ: я разумѣніе во плоти. Ну да, а я говорю про одно разумѣніе; оно само только можетъ повредить себѣ бездѣйствіемъ, плоть же пускай судить по своему о вредѣ ей нанесенномъ.

30.

Всякое стѣсненіе матеріальной и чувственной природы есть вредъ для плоти и чувственности, а всякое стѣсненіе разумнаго начала есть вредъ для духа. Приложи это къ самому себѣ. Если твоей плотскія желанія и похоти неудовлетворены, это дѣло чувствъ и плоти, разумъ ставитъ

имъ законныя преграды; но если, удовлетворяя себя, онъ стѣсняють духъ, то разумной природѣ твоей, то есть, тебѣ наносится несомнѣнный вредъ. Въ область духа не должно вторгаться внѣшнее и чувственное; для духа, создающаго свою силу, нѣтъ внѣшней власти, онъ не боится ни огня, ни желѣза, ни клеветы и ничего на свѣтѣ.

31.

Пусть каждый отыскиваетъ свою радость, гдѣ ему вздумается. Я нахожу ее въ здоровомъ разумѣ своемъ и въ сердцѣ свободномъ отъ гнѣва; я нахожу ее въ томъ, чтобы не чуждаться человѣческаго, а, напротивъ, считать все человѣческое себѣ близкимъ.

32.

Куда бѣ судьба тебя не забросила, всюду съ тобою твоя сущность, твой духъ, средоточіе жизни, свободы и силы, когда онъ вѣренъ закону бытія своего. Нѣтъ въ мірѣ внѣшнихъ благъ, или величій, для которыхъ стоило бы человѣку нарушать единеніе свое съ духомъ, расторгать свой союзъ съ нимъ и подрывать

цѣльность своей души внутреннимъ разладомъ съ самимъ собою. Укажи, что могъ бы ты купить цѣною такой жертвы.

33.

Помни, что разумѣніе твое, имѣя свойство жизни въ самомъ себѣ, дѣлаетъ тебя свободнымъ, если ты не подгибаешь его служенію плоти. Душа человѣка, просвѣщенная разумѣніемъ, свободная отъ страстей, затмѣвающихъ этотъ свѣтъ, есть настоящая твердыня и нѣтъ прибѣжища для человѣка, которое было бы вѣрнѣе и неприступнѣе для зла. Кто не знаетъ этого тотъ слѣпъ, а кто, зная, не входитъ въ твердыню разумѣнія тотъ злосчастный.

34.

Если виѣшнія обстоятельства жизни приносятъ тебѣ огорченіе, не прибавляй къ нимъ тяжести внутренней печали и тревоги, н. п.: обидѣть тебя можетъ всякій, — оскорбляешься этимъ ты самъ, болѣзнь можетъ поразить дѣтей твоихъ, но ты самъ предаешься опасеніямъ о ихъ выздоровленіи. И такъ, старайся сосредоточивать свое вниманіе на дѣйствительности и не-

давай впечатлительности своей преждевременно нарушать твоего внутреннего спокойствія; этимъ ты обеспечишь себѣ наилучшій исходъ.

35.

Эта дыня горька,—брось ся. На дорогѣ тебѣ попался терновникъ,—обойди его, но не говори: какая польза въ этихъ негодныхъ предметахъ! На такое восклицаніе человѣкъ, изучившій законы природы, тебѣ отвѣтитъ насмѣшкой. Передъ нимъ ты будешь такъ-же смѣшонъ, какъ передъ сапожникомъ, или столяромъ, еслибъ ты, взошедши къ нимъ, сталъ упрекать ихъ за разбросанныя стружки и обрѣзки. Но столяръ, или сапожникъ еще могли бы подобрать соръ и выбросить его наружу, а въ природѣ нѣтъ такого наружнаго мѣста. Удивительнѣе всего въ природѣ то, какъ она управляется сама съ собою, замкнутая въ своихъ предѣлахъ. Все что въ ней отживаетъ, гниетъ и кажется негоднымъ, годится ей для созданія новыхъ тварей; она ни у кого не проситъ матеріалу для своихъ произведеній, ни мѣста куда бы выбросить подонки, а довольствуется своимъ искусствомъ и своими средствами.

36.

Въ дѣйствіяхъ своихъ будь рѣшительнъ, въ рѣчахъ невозмутимъ, обсуждай зрѣло и не торопливо, въ убѣжденіяхъ будь стоекъ и твердъ и не берись дѣлать много дѣлъ заразъ.

37.

Когда безумецъ, стоя у ключа чистой воды, ругаетъ и проклиняетъ его, развѣ ключъ перестанетъ отъ этого изливать свои прозрачныя воды; когда въ припадкѣ слѣпнаго изступленія безумецъ бросаетъ въ него грязь и нечистоты развѣ ключъ, промывъ всю грязь и выбросивъ ее на берегъ, не остается чистъ и прозраченъ по прежнему. Такъ и съ тобой. И въ тебѣ есть родникъ такой вѣчно чистой воды, она льется немолкаемой струей изъ души свободной, любящей, смиренной и простой: ни поношеніе, ни клевета не могутъ загрязнить ее.

38.

Кто не знаетъ, что такое міръ, въ которомъ онъ живетъ, тотъ и не знаетъ гдѣ онъ; кто не знаетъ, что такое жизнь его, тотъ не знаетъ кто

онъ; кто не вѣдаетъ ни того ни другаго, для того жизнь лишена смысла и онъ не знаетъ для чего онъ существуетъ.

Но что ты скажешь объ такомъ человѣкѣ, который гонится за похвалою толпы слѣпыхъ, которые не знаютъ гдѣ они и что они?

39.

Какъ физической природѣ человѣка естественно вдыхать окружающій воздухъ, такъ точно разумному человѣку свойственно насыщаться тѣмъ разумнымъ началомъ, которымъ проникнута вся природа; ибо духовная сила, подобно воздуху, наполняетъ все и сообщается жаждущему обновиться въ ней также легко, какъ воздухъ вдыхается всякою тварью.

40.

Зло не существуетъ для всеобщей физической природы, но зло существуетъ для каждаго человѣка, которому дано сознание добра и свобода выбора между добромъ и зломъ.

41.

Солнце непрестанно изливаетъ свой свѣтъ на

весь міръ, но свѣтъ его не изчерпывается этимъ. На греческомъ языкѣ слово лучъ означаетъ „изліяніе“. Въ самомъ дѣлѣ, можно провѣрить это свойство луча, если наблюдать какъ онъ врывается въ комнату черезъ узкую скважину; онъ льется по прямому направленію и, встрѣтивъ препятствіе, такъ сказать, разливается по поверхности его, оставляя въ тѣни пространство, находящееся по ту сторону его. Свѣтъ покрываетъ всю эту поверхность и держится на ней, не падая къ низу. Точно также долженъ свѣтить твой разумъ, разливаясь по всеѣмъ направленіямъ. Онъ льется всюду не исчерпываясь и когда встрѣчаетъ препятствіе не долженъ проявлять ни раздражительности, ни гнѣва, а освѣщать спокойно все то, что жаждетъ принять его, не падая, не утомляясь, покрывая все обращенное къ свѣту и оставляя въ тѣни только то, что само отвращается отъ лица его.

42.

Бояться смерти значитъ бояться потерять всякую способность къ ощущеніямъ, или бояться ощущать иначе чѣмъ въ земной жизни. Но вѣдь когда ничего болѣе не чувствуешь,—нѣтъ ни зла, ни страданія; если же ощущенія будутъ иныя,

то значить только природа человѣка измѣнится, а онъ останется живъ,

43.

Несомнѣнно, что люди сотворены другъ для друга; такъ научи ихъ этому словомъ и примѣромъ долготерпѣнія.

44.

Что можетъ сравниться съ движеніемъ мысли? Стрѣла мгновенно долетаетъ по прямому направленію, но мысль въ своемъ полетѣ можетъ остановиться, обдумать, уклониться и потомъ снова быстро устремиться прямо къ цѣли.

45.

Старайся не только познать сердце всякаго человѣка, но и свое сердце открывать всякому.

Г Л А В А IX.

1.

Кто дѣйствуетъ противъ правды, дѣйствуетъ

противъ Бога, ибо разумныя существа призваны служить, а никакъ не вредить другъ другу. Кто преступаетъ этотъ законъ, тотъ преступникъ передъ Богомъ. Кто предается обману и призракамъ, тотъ также не знаетъ Бога, ибо Онъ не призракъ, а истинно Сущій и въ царствѣ Его все, сущее по волѣ Его, должно обращаться къ Нему Сущему, а не къ обманамъ. Вотъ это-то единеніе съ Сущимъ и есть правда, на которой зиждется всякая отдѣльная правда въ мірѣ. И такъ, живущій въ обманѣ враждуетъ противъ Бога, ибо, если онъ обманываетъ намѣренно, то дѣлается лжецомъ, если же не намѣренно, то, значитъ, удалился отъ общенія съ Богомъ и дѣлается нарушителемъ того порядка, которымъ держится царство Бога. Всякій, кто не за правду, тотъ противъ нея, ибо человѣкъ призванъ исполнить правду. Кто удалился отъ истины, тотъ уже не можетъ различать правды отъ обмана. Наконецъ, противится Богу и тотъ, кто веселье считаетъ добромъ, а страданіе зломъ, ибо таковой безпрестанно долженъ порицать Провидѣніе за несправедливое распредѣленіе благъ, видя какъ часто злые наслаждаются избыткомъ и удовольствіями, а добрые лишены всего и переносятъ страданія. Кто боится боли и страданій также не можетъ спокойно ожидать

своей судьбы, т. е. не покоренъ Богу, а кто ищетъ забавъ тотъ несомнѣнно совершитъ неправду и удалится отъ Бога. Всячески, кто хочетъ жить въ согласіи съ общимъ закономъ Бога и подчиняться волѣ Его, тотъ долженъ невозмутимо встрѣчать радость и горе, жизнь и смерть, почести и посрамленіе.

2.

Лучше бѣ разставаться съ міромъ не узнавъ ни лжи, ни лицемѣрія, ни тщеславія, ни гордости; если же всего этого нельзя было миновать, то всего лучше, какъ можно скорѣй, распроститься съ жизнью,—бѣжать отъ этихъ бѣдствій.¹ Вѣдь ты же знаешь, что отъ моровой язвы надо спасаться бѣгствомъ; а что хуже? зараза-ли въ воздухѣ, которая губитъ плоть, или тотъ настоящій человѣческій моръ, отъ котораго гибнетъ самъ человѣкъ.

3.

Не кляни смерть, а привѣтствуй ее какъ одно изъ явленій, въ которыхъ выражается непреложный законъ природы. Разложеніе плоти умирающаго человѣка также естественно, какъ во

¹ Намекъ на законность самоубійства въ крайнихъ случаяхъ; заблужденіе, которое оправдывалось стоическою школою.

время жизни, переходы отъ одного возраста къ другому, какъ ростъ зубовъ и бороды, какъ сѣдина, какъ оплодотвореніе, развитіе зародыша, рожденіе и столько другихъ физическихъ отправленій. И такъ, обдумавши, человѣкъ убѣждается, что ему надо смотрѣть въ глаза смерти бодро, безъ озлобленія и безъ хвастовства, какъ на явленіе вполне законное. Ее надо ожидать, какъ одно изъ отправленій природы; какъ ждешь ты того часа когда беременная жена твоя родитъ ребенка, такъ точно ожидай минуты когда твой духъ высвободится изъ подъ покрова плоти. Если же ты чувствуешь, что тебѣ нужна такая нравственная поддержка, которая бы помогла тебѣ мириться со смертью, то разбери внимательно, что ты покидаешь и какое прискорбное зрѣлище перестанешь имѣть передъ глазами. Допустивъ, что ты никогда не враждовалъ противъ людей, а любилъ ихъ, относаясь ко всякому кротко и долготерпѣливо, ты все таки расстаешься не съ такими существами, съ которыми бы жизнь твоя была въ тѣсномъ согласіи, ибо привлекаетъ насъ къ жизни только единеніе съ людьми, признающими одни и тѣже нравственныя основы. Но ты видишь, ты испыталъ какую скорбь причиняетъ разладъ съ людьми и призываешь смерть, торошишь ее, чтобъ не

застигла тебя еще большая скорбь — внутренній разладъ съ самимъ собою.¹

4.

Кто поступаетъ не по правдѣ, тотъ прежде всего вредитъ самому себѣ.

5.

Человѣкъ грѣшитъ не одними дѣйствіями своими, но часто и бездѣйствіемъ.

6.

Довольно если ты ясно понимаешь то, чѣмъ занять въ настоящую минуту, дѣлаешь охотно то, что тебѣ предстоитъ сейчасъ исполнить для общаго блага и готовъ во всякую минуту покориться радостно всему тому, что посылается тебѣ безконечною причиною всего сущаго. Для этого держи въ повиновеніи воображеніе, умъ и чувство. Признай самого себя въ разумѣніи своемъ, которому принадлежитъ верховная власть.

¹ Въ этомъ размышленіи остался слѣдъ огорченій, омрачавшихъ жизнь Марка Аврелія: онъ молча терпѣлъ безправственность жены своей Фаустины и сына Коммода.

7.

Все исходитъ изъ единого источника: бессознательная душа животныхъ и то разумнѣе высшихъ существъ, которые призваны къ сознательной жизни. Вездѣ единство: одна земля,—мать всего земнаго,—одинъ и тотъ же свѣтъ разливается по всей вселенной, однимъ и тѣмъ же воздухомъ дышетъ все живое.

8.

Всѣ однородные предметы тяготѣютъ другъ къ другу: все что изъ земли льнетъ къ землѣ, все жидкое сливается въ одно, также точно и воздушное; нужно усиліе, чтобы разъединить однородное; и огонь порывается къверху, по направленію къ средоточію огненной стихіи.

Такъ и все разумное въ природѣ, но еще во сто кратъ сильнѣе, тяготѣетъ одно къ другому. Ибо на сколько разумное выше всего остальнаго въ мірѣ, на столько оно свободнѣе само стремится къ единенію съ однороднымъ. Уже на нѣкоторыхъ ступеняхъ животной жизни замѣтно стадное начало,—добровольное подчиненіе опытнѣйшему,—замѣтна любовь къ дѣтенышу и забота о немъ; уже тутъ есть признаки какой то

души и болѣе высокаго сознанія, чѣмъ въ минеральномъ и растительномъ царствѣ. Существа одаренныя разумомъ поднимаются до государственнаго строя, до дружбы, до семьи, до общенія для разнообразныхъ цѣлей; а въ припадкахъ вражды,—до союзовъ и перемирій. Такимъ образомъ разумное стремленіе достигнуть лучшаго для себя должно бы все тѣснѣе сближать людей между собою. Но смотри, что происходитъ вокругъ тебя! Существа, одаренныя разумомъ, сбились съ разумнаго пути, они то, въ особенности, какъ будто утратили чувство любви,—основу взаимныхъ отношеній между собою. Но напрасно они ненавидятъ другъ друга и бѣгутъ отъ любви; истина, пребывающая въ ихъ разумной природѣ, сильнѣе ненависти, она притягиваетъ ихъ назадъ на настоящій путь и ты убѣдишься въ этомъ, если вдумашься и вникнешь въ смыслъ происходящаго вокругъ тебя.

9.

Если можешь, поучай людей и исправь ихъ; если потерпишь въ этомъ неудачу, то вспомни, что именно въ этомъ случаѣ человѣкъ долженъ быть кроткимъ. Самъ Богъ милосердно терпитъ противниковъ Его воли, осыпая ихъ щедрота-

ми своими. И ты можешь поступать по Воже-ски. Если думаешь, что нѣтъ, то укажи, что именно препятствуетъ тебѣ.

10.

Работай постоянно, не почитая работу для себя бѣдствіемъ или бременемъ и не желай себѣ за это похвалы и участія. Общее благо—вотъ тотъ рычагъ, которымъ должна направляться твоя дѣятельность.

11.

Сегодня я освободился отъ всякаго горя и печали! Скажи точнѣе: ты сбросилъ съ себя печали и могъ это дѣлать только потому, что печаль и горе есть твое личное отношеніе къ виѣшнимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ нѣтъ ни горя, ни печали, тогда какъ въ тебѣ самомъ возникаетъ огорченіе, а потому и освободиться отъ него въ твоей власти.

12.

Виѣшнія вещи не входятъ въ нашу сущность, онѣ, такъ сказать, стоятъ за порогомъ нашего

дома; вещь про себя ничего не знаетъ и чело-
вѣку не говорить, что она сама по себѣ. Все,
что челоуѣкъ знаетъ о вещахъ внѣшняго міра,
есть его личное разумѣніе о нихъ.

13.

Для челоуѣка разумнаго, живущаго въ обще-
ніи съ людьми—добро и зло, добродѣтель и по-
рокъ выражаются не въ мнѣніяхъ, а въ поступ-
кахъ.

14.

Конецъ челоуѣческой дѣятельности, прекра-
щеніе способности ощущать и мыслить,—од-
нимъ словомъ смерть,—не есть зло. Вѣдь перехо-
ды челоуѣческой жизни отъ одного возраста къ
другому—своего рода смерть; ребенокъ, юноша
и мужъ—умерли въ старикѣ. Что-жъ тутъ ху-
даго? Также точно одно столѣтіе смѣняется дру-
гимъ; періодъ жизни нашихъ дѣдовъ смѣнился
порою жизни отцовъ и т. д. Всѣ эти перемѣны
нельзя признавать зломъ. Не то-ли самое когда
пора твоей жизни, оканчиваясь, смѣняется чьей
либо другой.

15.

Твои безконечныя страданія происходятъ единственно отъ того, что душа твоя недовольствовалась тою дѣятельностью, которая ей была по силамъ.

16.

Когда кто нибудь тебя ругаетъ, ненавидитъ или порочитъ, старайся проникнуть въ его сердце и посмотри, что за человѣкъ; ты увидишь тогда, что тебѣ нечего тревожиться, какъ-бы онъ тебя не бранилъ. Будь добръ къ нему; вѣдь въ немъ есть близкій однородный тебѣ, такой-же какъ и ты, которому, какъ и тебѣ, помогаетъ тотъ же Богъ въ вашихъ общихъ печаляхъ.

17.

Все житейское похоже на игры и ссоры неразумныхъ ребятъ, а люди бродятъ какъ отверженные души, обремененныя тяжестью мертваго тѣла. Это освѣщаетъ смыслъ эпизода возбужденія мертвецовъ въ Одиссеѣ¹.

¹ Пѣсня XI, отъ стиха 218: обращеніе Антиклея къ сыну своему Улпсеу.

18.

Свѣтъ подобенъ шумному потоку, по которому несется людская жизнь и какъ жалки государственные люди, которые мечтають почерпнуть въ философіи руководство къ управленію людьми,—они мальчишки! На чемъ же стать твердо, гдѣ моя основа? Дѣлай теперь, не откладывая то, чего требуетъ разумѣніе твое, дѣлай пока можешь и не заботься о томъ, глядять-ли кто на тебя. Не гоняйся за республикой Платона—это мечта; будь доволенъ малымъ, исправь себя,—это не мало; главное владѣть собою; вѣдь если каждый не научится разумно мыслить и обуздывать себя, то всѣ усилія Правителя напрасны, ты не достигнешь ничего кромѣ рабскаго повиновенія и лицемѣрія. Напрасно приводишь ты примѣры Александра Македонскаго, Филиппа и др. Всмотрись поближе въ ихъ дѣла! Сознавали-ли они законы общечеловѣческіе и умѣли-ли владѣть собою и если окажется, что они были не болѣе какъ актеры, пусть никто не убѣдитъ тебя слѣдовать ихъ примѣру. Величіе философіи въ скромности и простотѣ ея задачи: въ исправленіи самого себя. И такъ, не надувай себя призракомъ величія повелителей.

19.

Нужна твердость духа по отношенію ко всему внѣшнему, безпристрастіе и справедливость во всемъ томъ, что исходитъ отъ тебя для содѣйствія общему благу.

20.

Въ твоей власти устранить отъ себя множество тревогъ въ жизни, ибо, по большей части, ихъ въ дѣйствительности еще нѣтъ, какъ уже онѣ возникаютъ въ твоемъ мнѣніи и путаютъ тебя. Ты и такъ всегда найдешь въ избыткѣ пищу для своего воображенія; мысль твоя на просторѣ можетъ блуждать по всей вселенной, размышляя о безконечности міровъ, о превращеніяхъ въ природѣ, о скоротечности матеріальной жизни и о безпредѣльной пучинѣ, которая изрыгаетъ и проглатываетъ столько міровъ.

21.

Если хочешь вѣрно оцѣнить человѣка по настоящему его достоинству, —мысленно обнажи его, откинь все внѣшнее, старайся забыть его наружность, тогда увидишь какова его душа и

поймешь какъ безумно домогаться похвалы и опасаться осужденія такихъ людей.

22.

Смерть есть ничто иное, какъ одно изъ превращеній излюбленныхъ природой, которая ни въ чемъ не ошибается. Но тебѣ кажется, что здѣсь все дурно и ты ожидаешь еще худшаго; неужели-же ты думаешь, что между богами нѣтъ ни одного, который имѣлъ-бы власть направить все ко благу и что міръ обреченъ на вѣки влачить оковы зла.

23.

Одно изъ двухъ, или боги безсильны, или они всемогущи. Если они ничего не могутъ сдѣлать для тебя, за чѣмъ ты имъ молишься? Если же они всеильны, то проси у нихъ очистить навсегда душу твою отъ страха и похоти — чѣмъ просить ихъ объ огражденіи отъ всякой вещи, которой ты боишься и объ исполненіи неразумныхъ желаній. Если они въ силахъ помочь человѣку, то и въ этомъ помогутъ. Но, можетъ быть, ты возразишь, что боги даровали человѣку способность самоогражденія. Такъ отчего-же

ты не пользуешься своей свободой и оставляешь втунѣ этотъ даръ? И кто же сказалъ тебѣ, что сами боги не помогутъ тебѣ въ томъ, чего ты будешь домогаться собственнымъ усилиемъ? Проси объ этой помощи, а тамъ увидишь. Кто проситъ о томъ, чтобы съ него было снято бремя,— а ты проси, чтобы тебѣ дано было терпѣніе носить его; кто проситъ о томъ, чтобы ребенокъ его остался живъ,—а ты проси силы духа, чтобы не сокрушаться о такой потери; однимъ словомъ, проси крѣпости духа и ожидай спокойно грядущаго.

24.

Довольно притворяться, носить личину, сердиться и хитрить какъ обезьяны. Успокойся, владѣй собою и напрягай силу духа, чтобы стать человѣкомъ простымъ и добрымъ.

25.

Если кто сдѣлалъ худое—это худо для него, а можетъ быть и то, что его напрасно обвиняютъ.

Г Л А В А X.

1.

О душа! Когда же наконецъ станешь ты доброй, простой и вѣрной самой себѣ? Когда же просвѣщенная и чистая, осмѣлишься предстать предъ взорами всякаго, не стыдясь наготы своей! Когда же не плоть, а ты будешь глава въ человѣкѣ? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумнiемъ жизни отъ скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебѣ своею жизнью, или смертью; когда поймешь ты, что истинное благо внѣ времени и пространства, не зависитъ ни отъ красоты природы, ни отъ одобренiя людей? Когда же будешь ты довольна настоящей своей судьбой, посылаемой Богомъ, когда же перестанешь жаловаться на нее Всевышнему, а потомъ молить его о прощениі за свое безразсудство.

2.

Если ты замѣтилъ въ комъ либо ошибку, по-

правь его кротко и укажи ему въ чемъ онъ ошибся. Если твоя попытка остается безуспѣшна, вини одного себя, или еще лучше, никого не вини, а продолжай быть кроткимъ.

3.

Когда убѣдился въ томъ, что основной законъ природы есть переменна, странно бояться, или огорчаться, когда такая переменна постигаетъ тебя.

4.

Когда ты стяжалъ себѣ имя честнаго, скромнаго, правдиваго, мудраго и крѣпкаго духомъ человѣка, старайся не утратить его. Если бы, по твоей же винѣ, тебѣ угрожало потерять это имя,—немедленно приложи всѣ силы и старанія, чтобы воротить его. Помни какія обязательства налагаетъ на тебя это самое имя, помни что мудрому подобаетъ все обсуждать внимательно и зрѣло и охотно подчиняться своей судьбѣ, а что человѣкъ крѣпкій духомъ только тотъ, который ощущенія и похоти плоти своей умѣетъ подчинить власти разумнаго начала своего существа, который это начало ставитъ выше славы, страданій, смерти и всего земнаго.

И такъ, если ты пребудешь достойнымъ такого имени, не заботясь о томъ, прослылъ ли ты таковымъ между людьми, съ тобой совершится полное перерожденіе, ты войдешь въ иную жизнь, тебѣ будетъ прискорбно вспомнить о той жизни, которую ты велъ дотолѣ, жизнь похожую на полувѣрскую судьбу бойцевъ цирка, которые, окровавленные и искусанные звѣрями, на другой день снова съ остервененіемъ просятся на то же побоище. Утверди же за собой доброе имя свое и стань на этой твердой основѣ. Если же силы измѣнили тебѣ и ты не могъ удержаться, то уходи въ уединеніе, гдѣ бы ты могъ одуматься, подняться духомъ и снова овладѣть собою;—не то, такъ покинь жизнь, но не въ припадкѣ гнѣва, а тихо, просто и вполне сознательно. Но лучше тебѣ, во что бы то ни стало, удержать свое доброе имя; для этого помни, что есть Богъ, который хочетъ не хвалы, или славы, отъ людей Имъ созданныхъ по подобію Своему, а того, чтобы они, руководясь даннымъ имъ разумѣніемъ, поступками своими уподоблялись Ему. Вѣдь смоковница вѣрна своему дѣлу, собака, пчела также, а человѣкъ неужели не исполнить своего призванія. Но увы! эти великія и святыя истины меркнутъ въ памяти твоей: комедія ежедневной жизни, война,

неразумный страхъ, немощь духа и привычка быть рабомъ заглушаютъ его.

5.

Паукъ самодовольно суетится, скрутивши крупную муху, охотникъ радуется когда затравилъ зайца, а рыбакъ—когда поймалъ форель; охотники за крупнымъ звѣремъ гордятся когда убили кабана, или медвѣдя; наконецъ, полководецъ торжествуетъ побѣду надъ Сарматомъ. Въ сущности всѣ они, отъ паука до полководца, не тѣ-ли же воры и разбойники.

6.

Надо постепенно и послѣдовательно изучать вещество, чтобы ясно понять законъ измѣняемости, которому оно подчинено. Изучай пристально превращенія матеріи и безпрестанно возвращайся мысленно къ этому предмету, ибо духъ возвышается и крѣпнетъ надъ этимъ размышленіемъ, совлекая плотскаго человѣка. Когда ты твердо убѣжденъ и помнишь, что, съ часу на часъ, тебѣ предстоитъ сбросить свою внѣшнюю оболочку, тебѣ легче соблюдать справедливость и поступать по правдѣ, легче покоряться

судьбѣ своей. Тогда ты встрѣтишь не возмутимо всякіе людскіе толки, пересуды, покушенія, ты даже не станешь думать о нихъ. Весь поглощенный лишь двумя задачами, ты поступишь справедливо въ каждомъ предстоящемъ тебѣ сегодня дѣлѣ и безропотно снесешь сегодняшнее бремя свое. Такъ человекъ можетъ достигнуть внутренняго міра, ибо всѣ желанія его сольются въ одно: пребывать во власти Бога, сдѣлать прямыми пути Его.

7.

Къ чему подозрѣнія и колебанія, когда свѣтъ освѣщаетъ твой путь, не сходи только съ него, дѣйствуй спокойно и рѣшительно; если же ты чувствуешь, что твое зрѣніе омрачается и ты не знаешь какъ поступить, остановись, войди въ себя, посоветуйся съ совѣстью, прибѣгни къ разумѣнію, къ правдѣ, къ справедливости, тогда миръ водворится въ твоей душѣ, путь твой снова освѣтится, ты не впадеши въ ошибку и не совершиши неправды.

8.

Проснувшись, тотчасъ подумай: есть-ли мнѣ

дѣло до того, честны-ли и справедливы поступки другихъ? Нѣтъ—это до тебя не касается. Развѣ забылъ ты, что за люди тѣ, которые заняты оцѣнкой поступковъ другихъ, ихъ одобреніемъ и осужденіемъ; вспомни каковы ихъ нравы, какіе они воры и разбойники. И не одними руками и ногами служатъ они страстямъ своимъ, а самымъ драгоцѣннымъ внутреннимъ сокровищемъ своимъ—разумѣніемъ, которое дано человѣку, чтобы свободно выбирать добро, правду, чистоту, однимъ словомъ, чтобы исполнить законъ и тѣмъ пробудить жизнь духа своего.

9.

Отношеніе человѣка просвѣщеннаго къ Провидѣнію можетъ быть выражено въ такой формѣ: принимаю дары твои и отдаю ихъ назадъ когда тебѣ угодно. Но эти слова должны говориться не съ ожесточеніемъ, а въ духѣ кротости и любви.

10.

Дни твои можетъ быть сочтены; поэтому попробуй остатокъ ихъ прожить какъ на горѣ, такъ, чтобы ты былъ видѣнъ всѣмъ, какъ на ладонѣ,

и не выбирай себѣ мѣста, ибо человекъ—гражданинъ всесвѣтнаго города. Пусть люди наконецъ увидятъ жизнь человека, которому нечего скрывать ни отъ кого; если зрѣлище это имъ невыносимо—пусть убьютъ тебя: смерть легче жизни, лишенной смысла.

11.

Теперь уже не время опредѣлять нравственный образъ человека крѣпкаго духомъ,—пора быть таковымъ на самомъ дѣлѣ,

12.

Какъ можно чаще избирай предметомъ своихъ размышленийъ безконечность времени, пространства и матеріи, окружающей тебя; тогда ты поймешь, что плоть твоя подобна мельчайшему сѣмячку, а то, что ты считалъ долговѣчнымъ—есть мгновенье.

13.

Неужели это люди, тѣ, которые ѣдятъ, спятъ, совокупляются и удовлетворяютъ прочимъ нуждамъ своимъ; сегодня надмѣнные и заносчивые,

они вчера еще пресмыкались, какъ рабы, изъ за подачки, и завтра будутъ дѣлать тоже.

14.

Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣніемъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

15.

Ты, или остаешься всю жизнь на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ съ рожденія, или ты по своему желанію передвигаешься на другое. Наконецъ со смертію кончаются твои похождения. Вотъ содержаніе всей житейской суматохи. Ну стоитъ ли изъ за этого суетиться.

16.

Помни, что въ горахъ, или на берегу моря, въ деревнѣ, или въ городѣ—вездѣ человѣкъ одинъ и тотъ-же. Справедливо изрѣченіе Платона: монархъ могъ бы научиться у пастуха, ибо, заключенный въ стѣнахъ своихъ дворцовъ, онъ не знаетъ книги природы.

17.

Кто бѣжитъ отъ своего господина, тотъ дезертиръ. Господинъ человѣка—внутренній законъ Бога; поэтому уклоняться отъ закона Его значитъ быть бѣглецомъ. Ослушникомъ закона бываетъ всякій, кто съ негодованіемъ, съ отчаяніемъ или страхомъ встрѣчаетъ то, что посылается ему Источникомъ всякаго закона и Распредѣлителемъ человѣческихъ судебъ.

18.

Съ той минуты какъ мужчина оплодотворилъ предназначенный для зарожденія органъ, — его призваніе окончено. Зародышъ развивается само-бытно и созрѣваетъ при участіи новыхъ силъ. Далѣе, ребенокъ питается и эта матеріальная пища перерабатывается въ плоть и кровь; затѣмъ изъ плоти и крови зарождаются органы впечатлительности, являются ощущенія, страсти, однимъ словомъ возникаетъ душевная жизнь человѣка. Откуда начало жизненной силы столь же несомнѣнной какъ и сила мышцъ? Она недоступна зрѣнію, но также ясна для всякаго какъ и то, что онъ видитъ глазами.

19.

Глядя на все, что происходитъ на твоихъ глазахъ, не забывай, что совершенно тоже самое было прежде и будетъ послѣ тебя. Вспомни, н. п., все то, что ты самъ узналъ и что дошло до тебя изъ событій, происшествій и всего придворнаго строя жизни временъ Антонина и Адриана; припомни, что записано въ исторіи о придворной жизни Филиппа, Александра и Юреза. Все тоже безъ конца, точь въ точь какъ при твоёмъ дворѣ. Только у актеровъ другія лица.

20.

Всякій человѣкъ, который гнѣвно и ожесточенно встрѣчаетъ испытанія своей жизни, подобенъ свиньѣ, которая бьется и визжитъ, когда ея тащатъ на бойню. Вспомни, что отличительное свойство разумнаго существа,—свободное подчиненіе своей судьбѣ, а не постыдная борьба съ нею, свойственная животнымъ.

21.

Спроси себя, при каждомъ дѣлѣ, которое ты дѣлаешь, будетъ-ли смерть для тебя прискорб-

нѣе потому, что оторветъ тебя отъ этого дѣла.

22.

Когда ты негодуешь на чьи нибудь грѣхи, тотчасъ испытай себя, не грѣшишь ли ты самъ точно также, когда предаешься роскоши, забавамъ или тщеславію. Провѣряя себя внимательно такимъ образомъ, ты успокоишься и скажешь: его проступокъ невмѣняемъ, а можетъ быть и поможешь ему освободиться отъ нужды, побудившей его къ проступку.

23.

Почему ты не хочешь мирно и разумно прожить свой срокъ; что за тяжкія бремена отъ которыхъ ты сторонисься? Не вижу въ нихъ зла, а только необходимое упражненіе для духовныхъ силъ твоихъ, раскрывающихъ тебѣ истину. И такъ, не будь опрометчивъ, остановись передъ препятствіемъ, неси свое бремя, пусть оно послужитъ тебѣ къ добру; извлеки изъ него то, что нужно для разумной жизни твоей, какъ желудокъ извлекаетъ изъ пищи все нужное для плоти, или какъ огонь, который разгорается свѣтлѣе, когда въ него что нибудь бросать.

24.

Работай надъ собою покуда жизнь, соотвѣтствующая назначенію человѣка, не станетъ для тебя также радостна, какъ мгновенное веселье людямъ, преданнымъ роскоши и наслажденіямъ. И можетъ-ли быть выше наслажденіе, какъ жить въ гармоніи съ истинной природой своей. Это самое постоянно въ твоей власти, тогда какъ все вещественное или стихійное не имѣетъ этого свойства. Но духъ и разумъ одарены способностію въ самомъ себѣ почерпнуть силу для преодоленія всякихъ препятствій и для возстановленія гармоніи. Это свойство, облегчающее разумному существу достиженіе своей цѣли, надо безпрестанно имѣть въ виду; внѣшнія препятствія не наносятъ ему вреда, ибо вредъ есть все то, что обезображиваетъ и ослабляетъ, — какъ бываетъ съ животными, которыхъ препятствія озлобляютъ, — человѣку же, встрѣчающему ихъ съ тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствіе прибавляетъ нравственной красоты и силы.

25.

Здоровый глазъ смотритъ на все кругомъ, а

не ищетъ исключительно зелени, зелень—потребность больного глаза; нормальный слухъ и нормальное обоняніе выносятъ всякіе звуки и всякій запахъ, а крѣпкій желудокъ варитъ всякую пищу, все равно какъ жерновъ мелитъ всякое зерно. Такъ и здоровая душа должна быть готова ко всему; если же она говоритъ себѣ: не снесу смерти дѣтей, не снесу противодѣйствія моимъ повелѣніямъ, не могу допустить того, другаго, она уподобляется глазу, избѣгающему всего кромѣ зелени, или зубамъ, которые бы отказывались жевать жесткую пищу.

26.

Нѣтъ человѣка, коего смерть не вызвала бы въ комъ нибудь мысленнато восклицанія: „Слава Богу!“ Будь умирающій самый прекраснѣйшій и мудрѣйшій изъ смертныхъ, кто нибудь да найдется, чтобы подумать: ну, наконецъ, мы освободились отъ этого скучнаго опекуна, правда онъ никому изъ насъ не былъ въ тягость, но я чувствовалъ, что онъ въ сердцѣ своемъ осуждаетъ насъ. Вотъ размышленія—у смертнаго одра добродѣтельнаго человѣка; а всякій другой умирающій! сколько поводовъ подаетъ онъ радоваться его смерти! Запомни это въ смертный

часъ свой. Повторяй себѣ, что ты покидаешь свѣтъ, изъ котораго провожаютъ тебя съ самыми веселыми надеждами, даже тѣ, которые были предметомъ твоихъ заботъ и попеченій. И такъ, что можетъ удерживать тебя здѣсь? Но, не смотря на сознаніе этихъ горькихъ истинъ, тебѣ надо разстаться съ этими людьми кротко и дружелюбно, также мирно, какъ расстаются съ тѣломъ душа человѣка, угасающаго безмятежно.

27.

Когда судишь о чьихъ либо поступкахъ, непременно, сначала, спроси себя: какое было побужденіе того человѣка и какъ ты самъ поступилъ бы на его мѣстѣ.

28.

Знай, что тѣ невидимыя нити, та пружина, которая приводитъ въ движеніе члены твоего тѣла, скрыта въ тайникѣ—внутри тебя. Тамъ пребываетъ разумѣніе,—даръ слова, тамъ сила жизни, короче,—тамъ весь человѣкъ. Никогда не приписывай свойства жизни тѣлу,—сосуду,—заключающему въ себѣ эту внутреннюю силу, или органамъ, приросшимъ къ этому со-

суду. Вся оболочка человѣка жива лишь этой силой, безъ нея она какъ челнокъ безъ ткача, перо безъ писца, или кнутъ безъ погонщика.

Г Л А В А XI.

1.

Еще разъ вникни въ тѣ свойства, которыя отличаютъ просвѣщенную душу: она сознаетъ и познаетъ себя въ своей сущности и проявленіяхъ, она сама собираетъ плодъ и трудъ свой, не какъ растенія и животныя, которыя отдаютъ ихъ другимъ; далѣе, она достигаетъ цѣли своей независимо отъ случайнаго прекращенія ея дѣятельности, не то что комедія или балетъ, которыхъ нельзя внезапно прервать, не нарушая смысла представленія. Душа просвѣщенная имѣетъ власть безошибочно и самостоятельно исполнять свое назначеніе, независимо отъ времени и мѣста. Она можетъ сказать себѣ: то что мое, всегда при мнѣ. Она обнимаетъ весь міръ и въ ней отражается весь міръ, она проникаетъ въ вѣчность и видитъ какъ все внѣшнее измѣняется и возобновляется изъ той же матеріи, такъ что

разумный человекъ, прожившій лѣтъ сорокъ, видѣлъ все что было, есть и будетъ. Наконецъ, душѣ просвѣщенной свойственна любовь къ ближнему и къ правдѣ и сознание своей духовной сущности. Въ мѣръ она стремится исполнить общій законъ, а не личныя хотѣнія, такъ что ея сущность тождественна съ сущностью правды и справедливости.

2.

Всякое произведеніе искусства прекрасно только въ цѣломъ; отдѣльная нота въ пѣснѣ, отдѣльное тѣлодвиженіе или слово, въ танцѣ или поэмѣ, теряютъ свое значеніе. Одна только добродѣтель и проявленія ея неизмѣнно прекрасны въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ своихъ. Добродѣтель, какъ свойство духа, во всей цѣлости и красотѣ своей, вмѣщается въ мгновеніи ока, для нея нѣтъ времени, она вся въ настоящемъ, для нея вся жизнь и мгновеніе одно и тоже. Разбери, по частицамъ, всю жизнь свою, тогда ты увидишь, гдѣ добродѣтель, ибо красота ея будетъ все таже въ цѣломъ и по частицамъ.

3.

Какъ счастлива та душа, которая всегда го-

това спокойно разстаться съ своей оболочкой; такая готовность можетъ быть только сознательная и свободная, плодъ внутренняго убѣжденія, а не упорства, какъ у Христіанъ.¹

4.

То добро, которое ты дѣлаешь ближнему, дѣлаешь самому себѣ. Надо чтобы ты глубоко убѣдился въ этомъ.

5.

Первоначальная задача трагедіи состояла въ томъ, чтобы доказать необходимость всего того, что совершается въ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить, что зрѣлище, составляющее развлеченіе для людей на сценѣ, въ дѣйствительной жизни не можетъ быть для нихъ невыносимо. За трагедіей появилась древняя комедія, богатая поученіемъ и мѣткой, развязной острою противъ людей надменныхъ и тщеславныхъ. Діогенъ заимствовалъ изъ нихъ нѣсколько цитатъ. Позже комедія вырождается; первоначальный смыслъ ея теряется, она спускается до частно-

¹ Изъ этого размысленія ясно, что Маркъ Аврелій не зналъ ученія Христа; онъ считалъ Христіанъ вредною политическою сектой.

стей и личностей. Нельзя не признать, что во всей этой драматической литературѣ есть превосходныя вещи; но нельзя и не спросить себя, какая въ сущности отъ нея польза?

6.

Вѣтвь, отрѣзанная отъ своего сучка, тѣмъ самымъ отдѣлилась и отъ цѣлаго дерева. Такъ и человѣкъ разрывомъ съ каждымъ себѣ подобнымъ отрывается и отъ всего человѣчества. Но вѣтвь отсѣкается постороннею рукою, человѣкъ же самъ отчуждаетъ себя отъ ближняго своего ненавистью и злобой, не вѣдая, правда, что онъ тѣмъ самымъ отрываетъ себя отъ всего человѣчества. Но божество, призвавшее людей, какъ братьевъ, къ жизни общей, одарило ихъ свободой снова возвращаться къ первоначальному единству. Человѣкъ, какъ вѣтка, оторвавшаяся отъ своего дерева, можетъ вновь сростись съ человѣчествомъ. Конечно, чѣмъ чаще вѣтка отрывается, тѣмъ труднѣе сращиваніе, и никогда, по свидѣтельству опытныхъ садовниковъ, она не будетъ такъ здорова и крѣпка, какъ тѣ вѣтви, которыя ни разу не отрывались.

7.

Природа никогда не можетъ быть ниже ис-

куства, ибо разнообразныя формы ея лежатъ въ основѣ всякаго искусства. Совершенство въ природѣ выше всякаго совершенства въ искусствѣ; въ искусствѣ, какъ и въ природѣ, все низшее служитъ и подчиняется высшему; такъ и для человѣка все должно подчиняться внутреннему закону нравственному, — справедливости, въ которой коренятся всѣ прочія добродѣтели. Внѣшнія вещи, или среднія, которыя, сами по себѣ, ни хороши, ни дурны, не имѣютъ ничего общаго съ справедливостью; не содержа въ себѣ нравственнаго понятія, онѣ выбрасываются изъ области ея. Смыслъ справедливости искажается и утрачивается, когда этотъ внутренній нравственный законъ прикладывается къ вещамъ внѣшнимъ или среднимъ.¹

8.

Душу можно сравнить съ прозрачнымъ правильнымъ шаромъ, освѣщеннымъ изнутри собственнымъ свѣтомъ своимъ. Этотъ огонь есть

¹„Среднимъ“. Подъ этимъ выраженіемъ стоики разумѣли все то, что въ самомъ себѣ ни хорошо, ни дурно. Сенека говоритъ: безразличнымъ или среднимъ называется все то, что одинаково дается человѣку дурному и хорошему, п. п. богатство, красота, происхожденіе и т. д.

для нея не только источникъ всякаго свѣта и истины, но и освѣщаетъ ей все внѣшнее. Въ такомъ состояніи она свободна и счастлива, только пристрастіе къ внѣшнему можетъ взволновать и омрачить ея гладкую поверхность, причиняя преломленіе и ущербъ свѣта.

9.

Пусть меня презираютъ; это напрасно, если я не совершилъ ничего достойнаго презрѣнія; пусть меня ненавидятъ—мое дѣло быть кроткимъ, уживаться со всѣми, не обнаруживать заблужденій другаго изъ желанія унижить его, или похвалиться своимъ превосходствомъ, но съ искреннимъ участіемъ и желаніемъ смягчить его, какъ то сдѣлалъ Афинянинъ Фокіонъ,¹ если только его слова были искренны. Чтобы призывать къ истинѣ другаго, надо, чтобы у самого сердце было чисто и смиренно передъ Богомъ.

10.

Придворные мои разсыпаются между собою

¹Послѣдніе слова осужденнаго на смерть Фокіона были обращены къ друзьямъ съ просьбою уплатить за него палачу должныя ему деньги.

въ выраженіяхъ отличнаго почтенія,—отъ души презирая другъ друга, и, хотя каждый изъ нихъ готовитъ другому подножку, они безпрестанно увѣряютъ себя въ совершенной преданности.

11.

Какъ безчестно и коварно говорить: я рѣшился дѣйствовать искренно и открыто: къ чему это вступленіе! Дѣйствія говорятъ сами за себя. Но раньше дѣйствій мысли должны отражаться во взглядѣ и на лицѣ, какъ любовь въ глазахъ влюбленныхъ. Человѣка добраго и простаго чувствуетъ всякій неволью, какъ запахъ козла; лицемѣріе же колетъ какъ кинжалъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣй волчьей дружбы.¹

12.

Прожить хорошо и счастливо можетъ только душа опытная и сильная духомъ; эта сила духа не оставляетъ человѣка, если онъ относится равнодушно къ вещамъ внѣшнимъ, или среднимъ. Равнодушіе это достигается опытностью, т. е.

¹ „Волчья дружба:“—это выраженіе заимствовано Маркомъ Авреліемъ у древнихъ грековъ, у которыхъ оно вошло въ пословицу.

когда привыкаешь разсматривать вещи внимательно и всесторонне. Ибо самъ человѣкъ, отъ себя, придаетъ внѣшнимъ вещамъ то мнѣніе, или качество, котораго онѣ не имѣютъ и котораго страшится въ нихъ; этотъ обманъ омрачаетъ его жизнь. Между тѣмъ человѣкъ властенъ не росписывать вещи черными красками, а, напротивъ, освѣщать ихъ своимъ свѣтомъ какъ только призраки закрались въ его душу, и разсѣять обманы. И какъ не долго продолжается борьба съ ними! Конецъ временной жизни быстро наступаетъ.

13.

Всякую внѣшнюю вещь можно обсуждать такъ: что она такое, изъ чего состоитъ, во что превращается и когда это превращеніе совершится, хуже ли ей отъ этого будетъ.

14.

Самое важное для человѣка знать, во первыхъ, свое отношеніе къ другимъ людямъ; люди сотворены другъ для друга, но мудрѣйшіе изъ нихъ должны быть руководителями другихъ, какъ ба-

ранъ между овцами, или быкъ между коровами; во вторыхъ, надо вникать въ нравы и привычки людей, чтобы понять какими они руководствуются обычаями и въ чемъ сила ихъ; въ третьихъ, всякій человѣкъ, поступая безразсудно, дѣйствуетъ, такъ сказать, противъ воли,¹ самъ не знаетъ что дѣлаетъ, думаетъ что онъ правъ и потому съ негодованіемъ отвергаетъ укоры за свои проступки; въ четвертыхъ, ты самъ, подобно другимъ людямъ, безпрестанно грѣшишь и спотыкаешься, ты самъ въ душѣ наклоненъ къ тѣмъ же порокамъ, хотя и не предаешься имъ, можетъ быть, только изъ трусости, или, чтобъ не уронить себя передъ людьми; въ пятыхъ, никогда не можешь ты утверждать безусловно виновность человѣка, ибо побудительная причина—самое важное въ поступкахъ людей, и надо извѣдать таковую прежде нежели осудить ихъ; въ шестыхъ, неразумно предаваться нетерпѣнію или гнѣву, когда завтра каждый изъ насъ можетъ лежать въ гробу; въ седьмыхъ, не поступки другихъ удручаютъ насъ, а то мнѣніе, тотъ смыслъ, который мы сами придаемъ поступкамъ другихъ; воздержись отъ своего мнѣнія о поступкѣ другаго и гнѣвъ

¹ „Противъ воли“, т. е. когда людямъ затѣмнили правду, выдавая имъ добро за зло и на оборотъ.

твой уляжется; скажи себѣ. что въ приключившемся, для тебя, не можетъ быть зла, ибо зло есть только то, что вредитъ тебѣ, то, отъ чего ты становишься хуже; въ восьмыхъ, твой гнѣвъ и возмущеніе за дурные поступки другихъ несравненно болѣе повредятъ тебѣ, чѣмъ самые эти поступки; въ девятыхъ, истинная кротость и любовь непреодолимая сила. Злѣйшій врагъ твой смирится если ты потрудишься смягчить его сердце, если въ то самое время, когда онъ готовъ тебя оскорбить, ты кротко скажешь ему: „другъ, оставь это, мы рождены не для вражды, не мнѣ повредишь ты, а самому себѣ.“ Скажи ему спокойно, не волнуясь, что и животныя въ стадахъ живутъ мирно между собою; говори все это безъ насмѣшки, не съ тѣмъ, чтобы унижить его, а въ духѣ кротости и примиренія, не какъ начальникъ, или изъ желанія выказать свое превосходство въ присутствіи другихъ; нѣтъ, говори съ нимъ на единѣ, или такъ, чтобы люди не слышали тебя. И такъ, зрѣло обдумай и прими къ руководству эти правила, какъ даръ девяти музъ, начни сейчасъ быть настоящимъ человѣкомъ, не медли пока живъ. Непоколебимая кротость и долготерпѣніе—вотъ въ чемъ истинное значеніе человѣка и мужа; въ этихъ свойствахъ вся сила, мощь

и крѣпость,—не въ гнѣвѣ и сопротивленіи. Чѣмъ безстрастнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ крѣпче духомъ и могущественнѣе. Волненіе, также какъ и упадокъ духа, есть слабость; въ обоихъ случаяхъ онъ, какъ раненый воинъ, долженъ сдаться. Наконецъ вотъ еще наставленіе Музагета:¹ не мечтай о подавленіи зла, это значило бы желать невозможнаго; но и не думай, что можешь равнодушно смотрѣть на совершаемое вокругъ тебя зло потому только, что оно не коснулось тебя лично. Ты поступилъ бы тогда какъ безразсудный Правитель.

15.

Душа человѣка подвержена четыремъ главнымъ соблазнамъ, противъ которыхъ ты долженъ быть всегда готовъ бороться. Пусть разумъ твой неотложно вступаетъ съ ними въ бой. Вотъ эти соблазны: воображеніе,—сдержи его, сказавъ себѣ: то, о чемъ я помышляю въ настоящую минуту,—праздно; самолюбіе,—то, что я предпринимаю—противно общему благу; ложь,—то, что я собираюсь сказать, будетъ противъ совѣсти моей, а потому и противъ правды; на-

¹ Музагетъ—предводитель музъ, т. е. Аполлонъ.

конецъ чувство сладострастія, — подавляй его сознаниемъ, что ты наносишь неисправимый вредъ Божественному началу твоему, разнуздывая плоть и помогая слѣпому, животному естеству стать выше духовной сущности твоей.

16.

Дыханію въ человѣкѣ и жару его тѣла свойственно стремиться къ верху; однако мы видимъ, что стихіи эти, покорныя высшему закону, исполняютъ свое назначеніе въ его организмѣ. Точно также послушно земляное и жидкое начало, стремящееся къ низу. Всѣ эти стихіи пребываютъ въ тѣлѣ человѣка въ неестественномъ для нихъ сочетаніи, повинуюсь разумной волѣ высшей силы и только по знаку ея возвращаются къ мѣстамъ своимъ. Одна только душа непокорна высшему закону, а между тѣмъ ея задача легче, ибо вполне соотвѣтствуетъ ея природѣ; но она отступница—уклоняется отъ своего призванія. Эти уклоненія выражаются несправедливостью, необузданностью страстей, гнѣвомъ, малодушіемъ. Душа не вѣрна своему долгу и тогда, когда человѣкъ возмущается противъ своей судьбы, посылаемой ему свыше.

17.

Кто всю жизнь не держится одной, разъ избранной цѣли, тотъ не можетъ оставаться вѣренъ самому себѣ. Но мало этого, надо добавить какая должна быть эта цѣль. Эта цѣль есть собственное благо, поэтому надо твердо знать что хорошо, что ведетъ къ благу. Но нельзя считать благами личныя выгоды и утѣхи, которыя обыкновенно почитаются таковыми. Настоящихъ благъ не много. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ. По этому, чтобы не уклоняться отъ избранной цѣли, надо чтобъ эта цѣль была добро, согласное съ общимъ благомъ. Кто сосредоточить свою дѣятельность на такой цѣли—пріобрѣтетъ себѣ благо, дѣлая всякому добро и всю жизнь останется вѣренъ самому себѣ.

18.

Жизнь иныхъ людей похожа на бѣготню полевой или домашней мыши, которая, въ испугѣ, бросается изъ угла въ уголъ.

19.

Сократъ называлъ суевѣріе и предрасудки

пугалами, которыми стращаютъ не разумныхъ ребятъ.

20.

Пифагорейцы говорили, что надо смолоду привыкать смотрѣть на звѣзды, чтобы имѣть передъ глазами картину постояннаго, правильнаго и неизмѣннаго движенія ихъ, ихъ блескъ и чистоту, явную для всякаго; ибо звѣзды не прячутся отъ взора наблюдателя.

21.

Надо слѣдовать примѣру Сократа, который ходилъ въ овчиной шкурѣ, когда однажды жена его Ксанטיפпа отобрала у него все верхнее платье, и отвѣчать такъ, какъ отвѣчалъ Сократъ на совѣтъ друзей своихъ.¹

22.

Никто не учить читать и писать, если самъ тому не научился; какъ-же можетъ указывать

¹ Совѣтъ друзей своихъ: „проучить Ксантину побольше“ Сократъ отклонилъ слѣдующимъ отвѣтомъ: „Пока мы съ женой будемъ драться, вы будете смѣяться надъ нами.“

людямъ, что имъ дѣлать, тотъ, кто не знаетъ, что ему самому дѣлать?

23.

Когда ласкаешь своего ребенка, говоритъ Эпиктетъ, старайся вспомнить, что завтра же смерть можетъ сразить его. Но это похоже на хулу, возразилъ ему кто-то. Я не вижу хулы въ томъ, чтобы помнить законы природы, отвѣчалъ Эпиктетъ. Вѣдь въ такомъ случаѣ нельзя говорить и того, что сожнутъ пшеницу и срѣжутъ виноградъ, когда настанетъ время.

24.

Онъ же говоритъ, никто не можетъ насиловать твою волю, на нее нѣтъ ни вора, ни разбойника; не желай неразумнаго, желай общаго блага, а не личнаго какъ большая часть людей. Задача жизни не въ томъ, чтобы быть на сторонѣ большинства, а въ томъ, чтобы не попасть въ ряды умалишенныхъ.

25.

Сократъ спрашивалъ у людей: какую вы себѣ

хотите душу, разумную, или безумную?—Разумную. Но обладая разумной душою, хотите вы быть добрыми, или злыми? — Добрыми. Такъ старайтесь-же добыть себѣ душу разумную и добрую! Намъ нечего добывать ея, отвѣчаютъ Сократу; въ насъ точно такая душа. Ну отчего-же вы цѣлый день бранитесь и ссоритесь, возражаетъ имъ Сократъ.

Г Л А В А XII.

1.

Ты можешь сейчасъ добыть себѣ то благо, котораго ты напрасно ищешь окольными путями: не вреди только самъ себѣ и не путайся. Все дѣло въ томъ, чтобы не думать о прошломъ, будущее предоставить волѣ Бога и сосредоточиться на предстоящемъ тебѣ дѣлѣ, поступая всегда согласно разуму и правдѣ: согласно разуму — чтобы чувствовать себя спокойнымъ и счастливымъ; согласно правдѣ—чтобы въ рѣчахъ твоихъ ты могъ открыто и просто сказать все то, что ты сдѣлалъ. Не давай сбить себя съ этого пути ни людскимъ толкамъ, ни

насмѣшкамъ, ни злословію, ни соблазнамъ своей плоти. Если ты, такимъ образомъ, будешь готовъ разстаться съ земнымъ поприщемъ, живя во власти Сущаго въ тебѣ Божественнаго разумѣнія, если будешь бояться не умереть, а дурно жить, то станешь истиннымъ человѣкомъ, достойно прожившимъ свою жизнь, и перестанешь быть чужимъ среди себѣ подобныхъ.

2.

Богъ видитъ душу человѣка обнаженную. Для Всевидящаго она не скрыта темной плотской оболочкой. Разумѣніе Бога пребываетъ въ разумномъ созданіи Его. Въ разумѣніи — тѣсная связь Бога съ человѣкомъ. Слѣдуй примѣру Богу твоего: проникай въ душу ближняго разумѣніемъ своимъ, тогда проживешь безмятежно и мирно. Власть духа надъ плотью освободитъ тебя отъ гнета житейскихъ заботъ, отъ пристрастія къ роскоши, почестямъ и славѣ.

3.

Душа и плоть,—вотъ что человѣкъ считаетъ своимъ, о чемъ безпрестанно печется. Но знай, что самъ ты, сущность твоя,—въ духѣ. Прони-

кайся этимъ сознаниемъ, вознеси свой духъ выше плоти, соблюдай его отъ всякой житейской внѣшней грязи, не давай плоти подавлять его, не отождествляй своей жизни съ плотью, а слейся съ жизнью духа твоего, тогда исполнишь всякую правду и безмятежно проживешь во власти Бога, исполняя призваніе свое.

4.

Я часто ставилъ себѣ слѣдующій вопросъ: какъ это человѣкъ, который больше всего любить самого себя, меньше дорожитъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ о себѣ, нежели мнѣніемъ другихъ людей. Если бы какой нибудь мудрый учитель, или Самъ Богъ, обязалъ человѣка громко выражать всякую мысль свою, одновременно съ ея зарожденіемъ въ умѣ его, то онъ не могъ бы выдержать ни одного дня подобнаго принужденія. И такъ, человѣкъ не стыдится, передъ собою тѣхъ мыслей, которыхъ не смѣетъ высказать передъ людьми, потому что мнѣніе о себѣ другихъ ставитъ выше собственного.

5.

Возможно-ли допустить, чтобы Божество, ко-

торое устроило все такъ премудро и съ такою любовью къ человѣчеству, забыло объ одномъ, а именно о томъ, чтобы вновь даровать жизнь — не дать умереть на всегда — такимъ избраннымъ и добродѣтельнымъ людямъ, которые всю жизнь свою, покоряясь во всемъ волѣ Его, пребывали съ Нимъ въ безпрестанномъ и тѣсномъ общеніи. Но вѣдь ты видишь, что всѣхъ людей постигаетъ равная участь, и потому вѣрь, что еслибы премудрое и всемогущее Божество нашло нужнымъ и справедливымъ дѣлать исключенія, то безъ сомнѣнія не всѣ бы умирали. Видя, что и лучшіе люди умираютъ, скажи себѣ, что такъ и быть должно. Пойми, что допытываться разрѣшенія этого вопроса значило бы требовать отъ Божества объясненія, или вчинать противъ Него искъ. Намъ остается полагаться на Его милосердіе и справедливость съ увѣренностію, что Оно не упустило бы, при устройствѣ міра, ничего такого, чего требуетъ разумъ для блага человѣка.

6.

То, что кажется невозможнымъ съ перваго взгляда, достигается привычкою. Такъ, напримѣръ, лѣвая рука, неловкая ко всему, по недостатку

навыка, лучше правой держать поводья, потому что привыкла къ этой работѣ.

7.

Надо глубже вникать въ причины, отдѣльно отъ послѣдствій,—въ побужденія, выдѣляя ихъ изъ поступковъ, надо строго взвѣсить, что такое горе и веселье, смерть и слава? Надо близко прослѣдить, какъ человѣкъ самъ себя мучаетъ и самъ можетъ спастись и убѣдиться, что значеніе всякой вещи не въ ней самой, а въ мнѣніи о ней самого человѣка.

8.

Въ борьбѣ съ жизнью человѣкъ долженъ подражать приемамъ атлета,¹ а не гладіатора, ибо первому стоитъ только сжать руку въ кулакъ, чтобы имѣть при себѣ свое оружіе, а второму, если онъ выронилъ мечъ, угрожаетъ вѣрная смерть.

¹ „Атлеты“—кулачные бойцы, которые упражнялись въ борьбѣ безъ оружія, въ особомъ зданіи называемомъ Панкрасъ.

9.

Какая сила въ человѣкѣ, который дѣйствуетъ всегда по волѣ Бога и во всемъ Ему покоренъ.

10.

Если все въ мірѣ управляется безпощаднымъ роковымъ закономъ, какая польза въ твоёмъ сопротивленіи? Если же есть Провидѣніе, — стань подъ его защиту. Но, если ты не признаешь и Провидѣнія, а видишь во всемъ лишь произволъ слѣпаго случая, то радуйся и ликуй, что посреди этого хаоса ты одинъ, въ духѣ своемъ, имѣешь разумную власть. Въ какой-бы омутъ не унесъ слѣпой водоворотъ твою плоть и душу, духъ твой стоитъ превыше всякой стихійной силы.

11.

Свѣтъ лампы свѣтитъ покуда ея не погасятъ, она бросаетъ лучъ свой пока не замретъ огонь ея. Неужели же въ тебѣ, еще при жизни, замретъ свѣтъ истины и справедливости.

12.

Если ты когонибудь подозрѣваешь въ проступкѣ, провѣрь, дѣйствительно-ли онъ виноватъ; когда ты въ этомъ убѣдился, испытай не осудилъ-ли онъ уже себя самъ за свой проступокъ. Повѣрь, что въ такомъ случаѣ онъ осужденъ судомъ внутреннимъ строже чѣмъ всякимъ судомъ внѣшнимъ.

13.

Не дѣлай того, что осуждаетъ твоя совѣсть и не говори того, что не согласно съ правдой. Соблюдай это, самое важное, и ты исполнишь всю задачу своей жизни.

14.

Пойми же наконецъ, что въ тебѣ есть Божественное, стоящее выше страстей, малодушія и суеты, отъ которыхъ тебя передергиваетъ какъ балаганную куклу.

15.

Весьма скоро, въ минуту смерти твоей, из-

чезнетъ для тебя все внѣшнее и всѣ люди тебя окружающіе. Все вещественное проходитъ въ этой жизни, измѣняясь одно за другимъ, какъ длинная вереница призраковъ.

16.

Смертью пресѣкается дѣятельность человѣка, но въ этомъ нѣтъ для него ничего худаго и смерть не есть проявленіе гнѣва Божія. Таковъ законъ Его для всей природы, а то, что свойственно всей природѣ—мудро и прекрасно.

И такъ, смерть — не зло для человѣка, ибо она не есть его порокъ, не зависитъ отъ его выбора и не вредитъ общему благу. Напротивъ, она — добро, потому что служитъ обновленію природы; человѣкъ же исполняющій волю Божію есть „теофоретосъ“, т. е. сосудъ Божій. Всякій, внимающій голосу разумѣнія своего, дѣлаетъ дѣла Божіи.

17.

Освободись только отъ своего воображенія или миѣнія и ты спасенъ. Кто можетъ помѣшать тебѣ устранить его,

18.

Когда человекъ поддается гнѣву, онъ забываетъ, что все на свѣтѣ повинуется общему закону, что проступокъ другаго ему же и вредитъ, что все въ мірѣ какъ всегда было, такъ теперь есть и будетъ, что всѣ люди братья и что это тѣсное единеніе не въ плоти и крови, а въ разумѣ и духѣ; онъ забываетъ, что разумѣніе въ каждомъ человекѣ есть Богъ и отъ Бога исходитъ, что у человека нѣтъ ничего своего, а все ему дано отъ Бога, что жизнь его сосредоточена въ настоящемъ мгновеніи, а слѣдовательно потеря жизни есть утрата только одного настоящаго мгновенія.

19.

Самый невыносимый человекъ—это гордецъ, который прикрывается личиною смиренія.

20.

Еслибъ у тебя спросили, гдѣ и когда ты видѣлъ Божество, откуда знаешь, что оно на самомъ дѣлѣ существуетъ и за что поклоняешься

Ему, ты можешь отвѣтить: во первыхъ, Божество явно для всѣхъ, во вторыхъ, я никогда не видалъ духа своего, однако признаю его власть; точно также и Божество, — я вижу его вездѣ въ твореніи. Сущность Божества явна въ дѣлахъ Его и потому я преклоняюсь передъ Нимъ.

21.

Приставлятъ одно доброе дѣло къ другому, такъ плотно, что-бы между ними не оставалось ни малѣйшаго промежутка, вотъ что я называю наслаждаться жизнью.

22.

Свѣтъ исходитъ изъ одинаго источника, хотя лучи его раздѣляются и разливаются по всей землѣ. Матерія тоже едина и безчисленныя формы ея почерпаютъ жизнь изъ одинаго источника. Наконецъ, разумъ беретъ свое начало во всеобщемъ разумномъ Существовѣ и все разумное стремится къ единенію другъ съ другомъ. Всякое препятствіе къ сближенію между собою противно существамъ однороднымъ и разумнымъ,

23.

Какъ ничтожно короткое время, отдѣленное для человѣка изъ безконечности времени, какъ оно быстро исчезаетъ въ вѣчности, какъ мала въ каждомъ изъ насъ часть всеобщаго духовнаго Начала! Какъ тѣсенъ тотъ комокъ дерну, на которомъ каждый раскинулъ шатеръ свой. Размышляя такъ, пойми, что въ жизни нѣтъ ничего великаго, кромѣ поступковъ, согласныхъ съ закономъ разумной твоей природы и подчиненія всеобщимъ міровымъ законамъ. Въ томъ: признала ли надъ собой эту власть душа твоя,—для тебя вопросъ жизни и смерти. Все остальное прахъ и дымъ.

24.

Вотъ и ты отслужилъ свое время, какъ гражданинъ всемірнаго государства; не все-ли равно сколько лѣтъ продолжалась твоя служба. Если ты подчинялся законамъ его, то тебѣ будетъ хорошо. Нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, что тебя увольняютъ. Не тиранъ, или неправедный Судья, даетъ тебѣ отставку, а тотъ самый Господинъ, который призвалъ тебя на службу. На этомъ свѣтѣ ты актеръ, котораго рассчитываютъ,

когда представленіе кончилось. Но, скажешь ты, въ драмѣ пять дѣйствій, а я участвовалъ всего въ трехъ. Но развѣ ты не понялъ, что жизнь есть представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ. Конецъ его во всякомъ случаѣ зависитъ отъ Распорядителя, которому принадлежитъ весь замыселъ и все устройство; по Его же знаку падаетъ и занавѣсъ. Ты тутъ не при чемъ; по этому—уйди съ міромъ. Тотъ, кто отпускаетъ тебя, преисполненъ благости и милосердія къ тебѣ.

К О Н Е Ц Ъ .